ИЮНЬ 6/89

Ровесник

ISSN 0131-5994

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ВОПРОСЫ СВЕРСТНИКОВ – ОТВЕТЫ СВЕРСТНИКАМ

Наталья Милопольская, студентка Московского государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ) имени Мориса Тореза: Как австрийский студент проводит свое свободное время?

Вальтер Рисс, студент Венского университета: В университете я изучаю экономику и в свободное время играю на бирже, покупаю акции и стараюсь продать их по более высокой цене. Кстати, многие студенты экономического факультета посвящают свободное время бирже, пытаясь на практике применять полученные в университете знания. С этими ребятами я и предпочитаю общаться. Конечно, у меня есть приятели, которые в свободное время любят посидеть в баре, но мне с ними скучно. А вообще для австрийских студентов типична такая форма досуга: после обеда собраться компанией в каком-нибудь кафе, пить кофе и разговаривать.

Майкл Кенн, студент Венского технического университета: А я все свое свободное время занимаюсь спортом — не то чтобы пытаюсь стать рекордсменом, а просто побольше двигаюсь на свежем воздухе: джогинг, баскетбол, велосипед и так далее. Таких, как я, в Австрии не очень много, большинство предпочитает курить и пить пиво.

Марта Вепнер, студентка Сельскохозяйственного университета: Нужно различать студенческую и рабочую молодежь. Молодые люди из рабочей среды действительно много времени проводят у телевизора, а у студентов другие интересы: учеба, выставки, театр, путешествия. Бывает, и мы устраиваем вечеринки у нас в общежитии... Администрация общежития этого не запрещает. Разве что, когда мы слишком шумим, жители соседних домов могут вызвать полицию (?). Но такие вечеринки мы устраиваем не часто: ведь по вечерам нужно готовиться к занятиям. А отдыхаем в каникулы: три месяца летом, две-три недели на рождество, три-четыре недели между семестрами и две-три недели на пасху. Правда, многие в это время еще и работают. Я, например, звоню в фирму, занимающуюся изучением потребительского спроса, и, когда во мне есть необходимость, меня приглашают в офис, дают стопку анкет, я хожу по магазинам, опрашиваю людей, потом сдаю заполненные анкеты и получаю деньги. Так я заработала на это путешествие в Советский Союз. Хотя родители каждый месяц присылают деньги на жизнь, неудобно просить у них на развлечения и путешествия. Я хочу чувствовать себя самостоятельной.

Ольга Чемарда, студентка МГПИИЯ имени Мориса Тореза: В какую сумму обходится студенту получение образования?

Марта Вепнер: Образование в Австрии бесплатное, но ведь за общежитие нужно платить, за книги, одежду, еду. Правда, для студентов общественный транспорт бесплатный, билеты в кино и театр дешевле, но денег все равно нужно много. Например, общежитие предоставляется только на год, да и то лишь тем, у кого хорошая успеваемость в университете. Снять квартиру стоит куда дороже, мы селимся по три-четыре человека, так дешевле выходит. В основном все наши расходы ложатся на плечи родителей. Студентам из бедных семей выплачивается стипендия на протяжении пяти лет учебы. А другие учатся и восемь, и десять лет, если родители готовы их обеспечивать.

Наталья Синельникова, студентка МГПИИЯ имени Мориса Тореза: Как вы учитесь, сдаете экзамены?

Вальтер Рисс: Учиться можно сколько угодно. Для поступления нет возрастного ценза, в университете вы увидите даже семидесятилетних студентов. Посещение свободное, время сдачи экзаменов студент определяет сам, согласовывая сроки с преподавателем. Несданный экзамен можно пересдавать дважды. А вступительных экзаменов вообще не существует, нужно лишь иметь диплом об окончании средней школы, где учатся двенадцать лет. Но у нас распространена протекция, то есть поступающий должен иметь личную рекомендацию от человека, влиятельного в той области, в какой студент намерен специализироваться.

Ирина Чикова, студентка Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской: Каковы возможности после окончания университета устроиться на работу?

Эдит Кропфитц, студентка Венского университета: Найти хорошую работу по специальности очень трудно. Поэтому во время учебы в университете мы стараемся овладеть смежными специальностями, заканчиваем по нескольку факультетов, чтобы стать специалистами широкого профиля — так больше шансов найти место. Ведь у нас нет, как у вас, распределения выпускников по предприятиям, каждый сам ищет работу. Правда, у нас существует практика устройства на работу по рекомендациям от влиятельных лиц.

Станислав Гуськов, сотрудник Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы: Расскажите о неформальных движениях молодежи в Австрии.

Бернд Обернайер, студент Венского технического университета: Я активист студенческого движения в нашем университете. Я считаю себя левым и в будущем тоже собираюсь участвовать в политической и общественной жизни. А вообще в Австрии не много людей, которые бы принимали участие в каком-нибудь политическом движении. Например, в нашем университете — всего человек тридцать, остальные озабочены лишь экзаменами да мыслями о будущей работе. Но вас интересуют панки, хиппи, металлисты? Их нет в студенческой среде. Такие

ребята, как правило, из бедных семей: они несчастны, им не нравится, как они живут,— вот и протестуют каждый по-своему. Но их меньшинство, большинство молодежи, что называется, обычные. В основном у нас учатся студенты из обеспеченных семей. Тех, кто вынужден подрабатывать на жизнь, немного, наверное, менее трети.

Наталья Милопольская: Когда в Австрии обычно выходят замуж?

Джудит Вагнер, студентка Венского университета: Я выйду замуж после тридцати лет. Прежде я должна закончить университет, найти хорошую работу, обеспечить себе финансовую самостоятельность. Такая позиция в жизни общепринята, рано никто не выходит замуж: женщина должна ощущать свою финансовую независимость, чтобы брак строился на равных.

Я встречаюсь с парнем, мы вместе живем, но я не собираюсь выходить за него замуж. Как правило, все студенты по парам, часто проводят вместе свободное время, снимают квартиру, но пока не думают о женитьбе.

Вальтранд Рейсингер, студентка Венского технического университета: Конечно, случается, что женятся и раньше, чем в двадцать пять — тридцать лет: влюбились — и ни о чем другом не думают. Вот и женятся, а потом жалеют. Пока не встал на ноги, мало кто решится обзавестись семьей. А когда у тебя есть хорошая работа, счет в банке, можно думать и о браке. Чтобы найти супруга или супругу, у нас прибегают к услугам брачных контор, которые подбирают кандидатов и устраивают знакомства. Ведь самим искать друг друга в зрелом возрасте трудно: не хватает времени, слишком много сил отнимает работа. С помощью же брачной конторы все делается быстрее и удобнее.

Наталья Милопольская: Вас не пугает опасность СПИДа?

Джудит Вагнер: Прежде чем жить друг с другом половой жизнью, у нас принято вместе сходить к врачу и сдать анализ на СПИД. Так что опасность заболеть СПИДом не грозит.

Наталья Милопольская: Вы не боитесь забеременеть?

Джудит Вагнер: Нет, не боюсь. Перед тем как заняться сексом, я обязательно принимаю противозачаточные таблетки. Все так делают, и таблетки продаются всюду, на улицах стоят автоматы: опустил монету — получай упаковку.

Иван Швейкин, учащийся подготовительных курсов Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова: Забирают ли студентов в армию?

Бернд Обернайер: У студентов нет особого желания идти в армию, но служба в армии обязательна для всех юношей, начиная с восемнадцати лет. Мы служим десять месяцев и сами выбираем место службы и род войск. Для тех, кто отказывается служить в армии по религиозным или нравственным соображениям, в Австрии существует альтернативная служба, например, вас направляют работать санитаром в больницу или в приют.

Записал В. ГАВРИЛОВ
Фото А. ЧЕРНИКОВА

В НОМЕРЕ:

5. **Олег Павлов. С ЧЕМ МЫ ЕДЕМ В ПХЕНЬЯН**
6. **Роберто Куилло. БЫТЬ КОММУНИСТОМ — НЕ ЗНАЧИТ ЗАКРЫВАТЬ ГЛАЗА НА РЕАЛЬНОСТЬ**
7. **Омер Кальдерон. ЕСЛИ ТЫ БОРЕШЬСЯ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ**
8. **Йорг Сезанн. ДАВАЙТЕ БУДЕМ ЭКСПЕРТАМИ**
10. **ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ**
12. **Тибор Шебеш. «О-ПЭР»**
14. **ТРЕТИЙ ПОРТРЕТ ЧЕ**
17. **РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»**
19. **Айзек Азимов. ТОЧКА ВОСПЛАМЕНЕНИЯ. Фантастический рассказ**
22. **ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...**
24. **Мишель Пейро. КТО ОНИ!**
25. **Олег Лесничий. ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ НА СКОРОСТНОМ ШОССЕ**
27. **Чак Норрис. ПУТЬ ДРАКОНА**
30. **Джон Дилиберто. ENO: «ИДЕИ ПРИХОДЯТ С УЛИЦЫ»**

Снимок на первой странице обложки сделан фотокорреспондентом Е. СТЕЦКО в столице Корейской Народно-Демократической Республики — Пхеньяне во время подготовки к XIII Всемирному фестивалю молодежи и студентов, открытие которого состоится 1 июля. Размышления о проблемах и задачах фестивального движения — на страницах 4—9.

Ровесник 6 89

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия:
В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
И. М. Неждановой
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 05.04.89. Подписано в печ. 06.05.89. А04801. Формат $84\times108^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 2 460 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 114.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

1 июля открывается XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов — праздник общения, обмена мнениями молодых людей самых разных политических, религиозных и философских взглядов. Конечно, изменения, происшедшие в международной жизни со времени последнего фестиваля, определят характер дискуссий: в мире укрепилось новое политическое мышление, сделаны первые реальные шаги в разоружении, разблокировании региональных конфликтов, устанавливаются мосты народной дипломатии, активизировались прогрессивные силы стран третьего мира, расширилось экологическое движение. Перемены в международном климате ставят перед фестивальным движением качественно новые задачи. Какие это задачи, как предстоит молодежи их решать — об этом пойдет речь в подборке интервью с участниками фестиваля, подготовленной нашим корреспондентом Владимиром СИМОНОВЫМ.

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ. *На снимках события четырех лет в жизни молодежи: марш мира за глобальное ядерное разоружение, прошедший от Лос-Анджелеса до Вашингтона; демонстрация студентов во Франции; во время X Международной студенческой встречи в Дагомысе.*

Олег ПАВЛОВ,
научный консультант Комитета молодежных организаций СССР

С ЧЕМ МЫ ЕДЕМ В ПХЕНЬЯН

Фестивальное движение уникально: сегодня это единственное всемирное движение, объединяющее силы разных политических направлений. Оно зародилось сразу после второй мировой войны, отражая стремление молодежи навсегда установить мир на Земле. Но, хотя с самого начала фестивальное движение было открыто для всех политических сил, выступающих против войны, фашизма, насилия в международных отношениях, в фестивалях принимали участие в основном коммунистические союзы молодежи. Некоммунистические организации долгое время отказывались от участия в них. На фестивальном движении ощутимо сказывалась идеологическая конфронтация государств с различными социально-политическими системами.

Но тенденция к расширению географического и политического спектров движения существовала уже тогда. В этом смысле переломным я считаю фестиваль на Кубе, проходивший в 1978 году в период разрядки: тогда впервые в фестивале приняли участие силы, прежде игнорировавшие фестивальное движение,— молодые социалисты и социал-демократы, радикалы и христианские демократы.

Сегодня, я думаю, главное — рассматривать фестивальное движение сквозь призму улучшения и гуманизации международных отношений, ставить прежде всего те вопросы, которые объединяют молодежь различных политических, философских, идеологических и других течений. То есть говорить о том, что мы понимаем под новым политическим мышлением и приоритетом общечеловеческих ценностей над интересами классов, социальных групп, отдельных государств.

Некоторые молодежные организации выступили против проведения фестиваля в Пхеньяне, на мой же

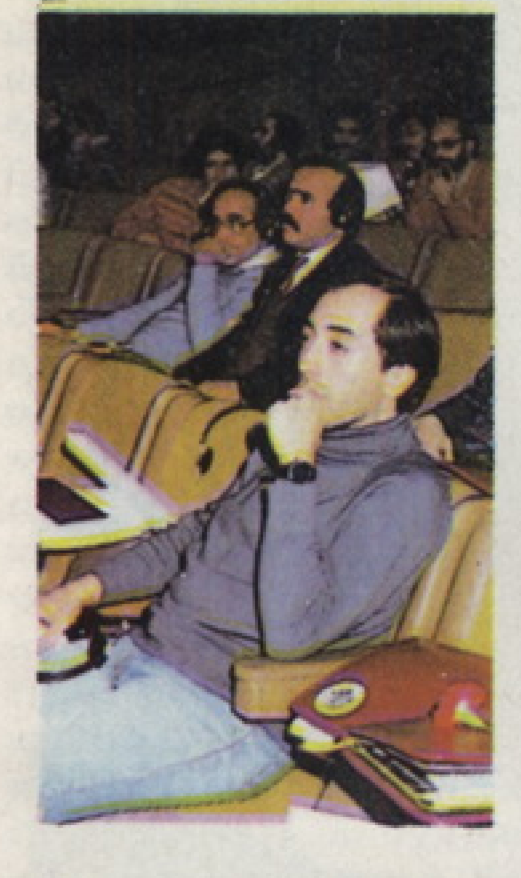

взгляд, место проведения — не самое главное, важнее, кто приедет на фестиваль, какие проблемы будут обсуждаться.

Это первый фестиваль на Азиатском континенте, и, я думаю, он привлечет наибольшее внимание к проблемам развивающихся стран. Поэтому от всех участников требуется умение совмещать внимание к глобальным проблемам с пониманием проблем, стоящих перед молодыми людьми в каждой конкретной стране. Думаю, фестиваль поможет продвинуться в решении вопроса о воссоединении «двух Корей», будет способствовать развитию позитивных процессов демократизации и гласности в КНДР, выходу страны из международной изоляции, облегчит налаживание сотрудничества с теми государствами, откуда приедет молодежь. Не будем забывать, что через десять-пятнадцать лет многие молодые участники фестиваля возьмут на себя ответственность принятия политических решений в своих странах.

Я принимал участие во многих дискуссиях на фестивале в Москве и в предфестивальных дискуссиях в период подготовки XIII Всемирного. Меня всегда поражала одна странность: разговор идет о тех же самых проблемах, в том же ключе, в каком они уже обсуждались на других уровнях, начиная от Организации Объединенных Наций и кончая межгосударственными переговорами. Мне кажется, очень важно найти свой, молодежный подход как в обсуждении, так и в решении стоящих перед нами проблем.

Думаю, необходимо изменить саму форму фестивалей. Ведь фестивали, по существу, организуются для молодежи, а не молодежью, поглощают огромные финансовые средства из госбюджета, и нам пора найти такие формы, при которых молодежь сама организует, финансирует и проводит свой фестиваль. Фестиваль должен стать исключительно делом молодежи. Необходимость в переменах признают все участники фестивального движения. Уверен — в Пхеньяне мы сможем обсудить, каким быть фестивалю в будущем.

Роберто КУИЛЛО, представитель Итальянской федерации коммунистической молодежи в ВФДМ

БЫТЬ КОММУНИСТОМ — НЕ ЗНАЧИТ ЗАКРЫВАТЬ ГЛАЗА НА РЕАЛЬНОСТЬ

— Правду сказать, я рассматриваю фестиваль в Пхеньяне как мост к следующему фестивалю.

— Конечно, преемственность...

— Нет, ты меня не понял. Нужно в корне изменить структуру фестивального движения.

Так неожиданно для меня началось интервью с Роберто о предстоящем фестивале молодежи и студентов в Пхеньяне. Итальянская федерация коммунистической молодежи несколько лет назад провела демократические перемены внутри организации, и вскоре ее численность возросла с сорока пяти до шестидесяти тысяч человек. Теперь и сам фестиваль во многом рассматривается молодыми итальянцами с точки зрения необходимости его перестройки.

— У нас нет возможности реорганизовать фестивальное движение в столь короткое время. Требуются годы. А пока нужно приучить людей к мысли о необходимости перемен — и начать об этом дискуссию.

— Каких перемен?

— Например, как преодолеть гигантоманию? Нужны ли такие фестивали: с огромными отелями, огромными правительственными затратами, с громогласными политическими декларациями... Фестивали, где главная роль отводится церемониалу?

— То есть требуется упрощение?

— Да, но главное — требуется, чтобы молодые люди чувствовали себя не свидетелями на празднике, а участниками и творцами этого действа.

— Как это сделать?

— Для начала признать, что фестивальное движение сегодня — это плюралистическое движение демократической молодежи. Нужно обогатить фестиваль разнообразием точек зрения: пусть не только молодежные лидеры берут слово, а любой участник, которому есть что сказать.

— Разве на Московском фестивале мало было демократизма?

— Да, Московский фестиваль был хорошим, но всего лишь первым подобным опытом. В Пхеньяне предстоит, надеюсь, расширить веер точек зрения.

— То есть фронт борьбы различных идеологических воззрений?

— Вовсе нет. Видишь ли, вся история международных отношений молодежных организаций прежде была

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ. *На снимках события четырех лет в жизни молодежи: участники советско-канадской лыжной экспедиции через Северный полюс к побережью Канады; демократия «по Пиночету»: слезоточивый газ против мирной демонстрации в Чили; итальянские студентки — в борьбе за свои права; советские, шведские и американские участники марша мира «Пис куест» по СССР, Швеции и США.*

историей идеологической борьбы. А сегодня стоит задача эту воинственность преодолеть. Именно поэтому мы и предложили перестроить структуру Всемирной федерации демократической молодежи, куда входит и моя организация. Кто в капиталистических странах знает ВФДМ? Среди некоммунистической молодежи немногие. Почему? Потому что ВФДМ долгое время оставалась закрытой для некоммунистических организаций мира. А ведь по замыслу (вдумайся в эти слова): Всемирная федерация демократической молодежи... Ведь это ООН молодежи! А между тем ВФДМ теряет своих членов. Вот мы и предложили ВФДМ изменить свой подход к отношениям с другими молодежными организациями, основываясь не на идеологической базе, а на базе общечеловеческих интересов. Так и с фестивалем: расширяя возможности участия представителей разных воззрений, мы имеем в виду не спор, а поиск точек соприкосновения.

Идеологические различия существуют, и они не исчезнут в один день. Главное, чего мы должны добиваться на фестивале,— преодолевать конфронтацию этих идеологических разногласий.

— Но как в таком случае ты, член коммунистической организации, собираешься пропагандировать коммунистические идеалы?

— Видишь ли, быть коммунистом не значит закрывать глаза на реальность. А мир меняется — и меняется очень быстро. Мы не хотим игнорировать происшедшие в нем изменения, применяя устаревшие схемы понимания действительности. Мы марксисты, но ведь Маркс не мог предвидеть, чем обернется технологическая революция, как она переменит жизнь молодежи и людей вообще. По нашему мнению, демократизация международных отношений, которая происходит сегодня, требует от коммунистов перехода к более открытым методам работы. Мы просто обязаны действовать иначе, чем сто лет назад.

Когда мы начали перестройку нашей организации, многие обвиняли нас в отходе от марксистских позиций, но опыт работы показал, что правы-то оказались мы: численность нашей организации все-таки растет.

— Итак, не спорить, а искать точки соприкосновения. Как же тогда различным по своим убеждениям людям понять друг друга? Разве не в спорах рождается истина?

— Наверное, ты знаешь, существует такая международная федерация, как Общеевропейская структура. Вот для меня пример международных отношений молодежных организаций. В Структуру входят организации самых разных идейных направлений. Идеологические различия не являются препятствием для диалога — напротив, обогащают дискуссию. Чтобы иметь возможность спорить, достаточно признать право другого на иную точку зрения.

— А это очень сложно.

— Да, но сегодня это стало возможным. По нашему мнению, вопрос перестройки становится ключевым в мире: идея взаимозависимости мира все более очевидна, политика, основывающаяся на общечеловеческих ценностях, уже не кажется идеализмом... А знаешь, если так пойдет дальше, то в международных отношениях уже будут участвовать не только молодежная дипломатия, но и просто молодые люди.

— Но вернемся к фестивалю.

— А разве мы не о фестивале говорили?

Омер **КАЛЬДЕРОН**, генеральный секретарь Колумбийской коммунистической молодежи

ЕСЛИ ТЫ БОРЕШЬСЯ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

— На том Московском фестивале, по-моему, было слишком много «взрослых» дебатов. На фестивале в Пхеньяне надеюсь увидеть побольше всего молодежного.

— Например?

— Например, организовать чемпионат по футболу! Пусть на футбольном поле Советский Союз и Соединенные Штаты выясняют разногласия. В какой футбол играть: американский или европейский? Или организовать для делегатов турпоходы по Корее — жить в палатках, а не в этих больших отелях.

— Омер, в тебе, наверное, говорит латиноамериканский темперамент? Разве обойтись без «взрослых» дебатов?

— Без «взрослых»? Да. Борьба за социализм — веселая борьба. Понимаешь, чтобы бороться за будущее, нужен оптимизм, несмотря на все удары.

— Какие удары?

— Многие мои товарищи убиты. Во время налета на штаб-квартиру нашей организации были убиты пятеро руководителей ЦК. Вскоре погибли еще трое. Дважды штаб-квартиру минировали. Нас пытаются физически уничтожить.

— Эскадроны смерти?

— Да. И у нас есть доказательства, что ими руководят высшие военные чины. Мы представим эти доказательства на Антиимпериалистическом трибунале в Пхеньяне.

Генеральным секретарем Омер Кальдерон стал недавно, избран тайным голосованием из трех кандидатов. Подобные выборы впервые проводились в Латинской Америке. Омер гордится тем, что Колумбия подает пример демократизации всему коммунистическому движению молодежи на континенте.

Демократизм — политическое кредо Омера Кальдерона. Свою позицию он начал вырабатывать еще мальчишкой. Однажды власти городка, где он жил, подняли плату за проезд в транспорте. Омер организовал поход школьников к мэрии с требованием снизить плату за проезд для учащихся. Требование не удовлетворили. Тогда школьники перебили стекла во всех городских автобусах. Но плата за проезд не снизилась. «Мы были всего лишь мальчишками, которые от обиды перебили стекла»,— говорит Омер. Он запомнил вывод из неудачи: чтобы чего-то добиться, нужны не мальчишеские выходки, а организация широкой кампании протеста, объединение и мобилизация всех недовольных.

— Но разве демократизация не ослабляет вашей боеспособности: ведь вы вынуждены противостоять террору эскадронов смерти?

— Нет, не ослабляет. Ведь если ты борешься за установление демократии в своей стране, то и твоя деятельность должна быть демократичной. Когда мы действуем, мы думаем о необходимости объединения всей молодежи. Мы даже не претендуем на роль единственного авангарда борьбы. Не все то, что мы говорим,— окончательная истина. Когда речь идет о таких важных вещах, как борьба за демократию для всей страны, необходим компромисс во имя достижения главного. Нужно уметь не врагов, а союзников видеть в тех, с кем, хотим мы того или нет, но требуется идти вместе. Сегодня важно искать общее, а не размежевываться из-за идеологических разногласий. А общего у нас больше, чем разногласий!

— Но пока вы пытаетесь сблизиться и говорите о мире, те, кого мы называем империалистами, ведь не прекратят попыток вас уничтожить? Как совместить стремление к демократизации с необходимостью борьбы с империализмом, который при этом вооружен?

— Вот что получается: империализму выгодна политика малых войн. Эти войны в каждой стране объявляются как справедливые войны демократии с коммунизмом. А на деле идет война проимпериалистического режима против собственного народа, устремившегося к демократии. Например, Колумбия. Посольство США в Колумбии весит больше, чем правительство страны. У нас множество доказательств вмешательства США во внутренние дела Колумбии, которые мы тоже представим на Антиимпериалистическом трибунале. Мы доказываем, что вовсе не «демократия» воюет с коммунизмом, а коммунисты вместе с другими организациями борются за демократию против империализма.

— Как в таком случае влияет на вашу борьбу политика СССР на сближение с США, главной империалистической державой?

— О, мы за улучшение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Ведь политика нового мышления вынуждает и США менять свой подход к таким малым странам, как Колумбия, сообразуясь с интересами этих стран. К тому же политика Советского Союза направлена не на слияние двух различных идеологических систем, а на поиск политического решения, которое обеспечивало бы народам возможность бороться за свои права.

Видишь ли, сегодня понятие «антиимпериалистическая борьба» обогатилось более широким смыслом, чем прежде, когда под такой борьбой понималось непосредственно выступление с оружием в руках за свободу страны от империалистического диктата. Теперь мы включаем в это понятие глобальные проблемы, проблемы внешней задолженности развивающихся стран, борьбу за мир.

— Значит, изменилось и понятие «антиимпериалистическая солидарность»?

— Естественно. Оно тоже расширилось. Я бы изобразил это понятие в виде треугольника: чем больше мы дружим, тем ближе мы к миру, тем крепче наша антиимпериалистическая солидарность. То есть это лозунг фестиваля: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу».

Йорг СЕЗАНН, секретарь по международным вопросам Союза немецкой рабочей молодежи (ФРГ)

ДАВАЙТЕ БУДЕМ ЭКСПЕРТАМИ

— Йорг, на фестивале, насколько я знаю, ты собираешься поднять тему глобальных проблем?

— В любом случае эта тема будет поднята и без меня. Я думаю, она будет главной темой фестивальных дискуссий. Я постараюсь внести свой вклад.

— О чем скажешь ты?

Он рассказывает о том, как ночью нес вахту в лесу под Франкфуртом. В Западной Германии лесов не много: промышленные предприятия уничтожили бо́льшую их часть. Лесной массив под Франкфуртом, единственный в этих краях, решили тоже вырубить — сотни гектаров деревьев мешали планам расширения Франкфуртского аэропорта.

— Все всполошились. Единство было ошеломляющим: коммунисты, социал-демократы, христианские демократы, «зеленые», евангелисты, феминистки— практически все организации выступили в защиту леса. Даже мой горнолыжный клуб, который всегда занимал самую консервативную позицию (горнолыжный спорт — удовольствие до-

рогое и престижное, потому и клуб считает себя элитарным), на этот раз присоединился к протесту.

Понимаешь, когда мы все вместе ночью шли занимать лес, я почувствовал такую великую силу — такой был напор и уверенность! Мы знали, что не позволим срубить ни одного дерева.

— Вам удалось?

— Нет. Лес все-таки вырубили. Но, пойми, мы проснулись! Важно мобилизовать инициативу всех тех, кто стремится изменить старое мышление. Пришло время воплощать идеи в практику. Я бы сказал так: мыслить глобально — действовать локально.

— Итак, конкретно.

— Я хочу привести один пример. Рейн, как тебе наверняка известно, заражен химическими отходами. Главные отравители — три химических завода, самый большой из них принадлежит фирме Бауэр. Мы давно ведем с ними борьбу, пока безуспешно. Но на одном из последних заседаний акционеров фирмы Бауэр несколько пайщиков потребовали реконструировать производство, чтобы избавить Рейн от химических отходов. Понимаешь, ведь потребовали именно люди, кровно заинтересованные в прибылях фирмы. То есть я хочу сказать, что общественное мнение не нечто существующее само по себе, оно подчиняет себе как простого человека, так и промышленника, и политика.

— Остается лишь подождать, пока перемена общественного сознания не охватит промышленников и политиков?

— Перемены сами по себе не происходят. И перемену общественного сознания тоже нужно готовить. Например, дезодоранты, разрушающие озоновый слой. Без такого дезодоранта я вполне могу обойтись, ведь существует достаточно других заменителей. Если люди откажутся их покупать, их производство прекратится. Или, например, ПВК (полихлорвинилкорд). Этот пластиковый материал используется для производства многих вещей, но в результате образуется огромное количество токсичных отходов. Сегодня токсичные отходы можно обнаружить практически всюду — в Северном море, в реках, в почве, и один из главных источников — ПВК. Мы добиваемся замены ПВК на другие материалы. С технической точки зрения здесь нет проблем. Но, естественно, на первых порах такая замена снизит прибыли фирм химической промышленности. То есть требуется создать такое весомое общественное мнение против ПВК, которое перевесило бы интересы отдельных промышленников и политиков.

— Йорг, ты — молодежный лидер, сам политик. А давай представим обыкновенного и не интересующегося политикой человека. Как ему «начинать с себя»?

— Видишь ли, сама жизнь выталкивает человека из состояния аполитичности. А нам, активистам движения, нужно лишь подтолкнуть его к действиям.

Возьмем ситуацию с Северным морем. Это место, куда я с детства езжу на каникулы. Много людей год за годом, так же как я, приезжают сюда отдыхать. И год за годом мы видели, как постепенно гибло море. Видели и ничего не делали. Но раздражение, чувства протеста копились — и вот этим летом все вдруг изменилось: люди начали действовать! События развивались спонтанно, стремительно, протест стал всеобщим. Люди, которые никогда не занимались политикой, может быть, впервые в жизни принимали участие в демонстрациях и пикетах! Мне это напомнило те дни, когда мы заняли лес под Франкфуртом.

— ФРГ — маленькая часть мира, а глобальные проблемы требуют глобального решения, не так ли?

— О, здесь мы отчаянно отстаем от требований момента. Очень низок уровень международного сотрудничества в этой области. На молодежной экологической конференции во Франкфурте мы пришли к выводу, что глобальные проблемы к тому же нельзя рассматривать по отдельности. Мы должны видеть их взаимозависимость, и с этой позиции их решать. Но существует практика отделять проблемы войны и мира от проблем экологии, задолженности развивающихся стран. А ведь, по сути, ключ к решению этих проблем общий: переход к глобальному мышлению.

Например, на прошлой Ассамблее Всемирной федерации демократической молодежи была создана Антиядерная коалиция. Это здорово, но недостаточно. Думаю, неплохо было бы создать коалицию борьбы за выживание.

Конечно, на семинарах фестиваля множество разных людей примет участие в обсуждении глобальных проблем. На фестиваль приедут социал-демократы, «зеленые», христианские демократы и представители многих других политических течений. Каждый будет рассматривать глобальные проблемы под своим углом зрения, и, уверен, это обогатит дискуссию.

Все мы становимся немного экспертами по глобальным проблемам. Мы обязаны знать положение вещей, чтобы добиться демократизации в решении вопросов глобального значения. Если мы оставим их политикам, независимо от того, доверяем ли им или нет, мы так и не придем ни к каким результатам. Давайте все будем экспертами — только тогда мы сможем изменить логику прежнего мышления.

Я виж, г предстоящем фестивале возможность сделать первый шаг к открытию молодежного фронта борьбы за выживание.

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ. *На снимках события четырех лет в жизни молодежи: демонстрация против уничтожения лесов в ФРГ; вывод советских войск из Афганистана.*

О Великой французской революции в эти дни будут говорить и писать много. Ей — 200 лет. Двести лет ощущается ее влияние на жизнь не только Франции, но и многих других стран. Мы предлагаем нашим читателям взглянуть на те далекие события глазами юного парижанина. Безусловно, его дневник не претендует на исчерпывающее описание революции. Его достоинство — в другом. Он дает возможность ощутить живое дыхание того времени.

Великая Французская Революция

ДНЕВНИК ЮНОГО ПАРИЖАНИНА АНТУАНА ВЕРБУА

Среда, 18 марта 1789.

Вчера вечером, после ужина, отец собрал в своей мастерской Батиста, Жанну, меня и Мишеля, одного из трех подмастерьев. Батисту и Мишелю по 17 лет, они дружат. Отец объяснил нам, что в прошлом году король Людовик XVI потребовал у знати и духовенства денег в счет новых налогов, а те платить отказались. У народа просить уже нечего: нищета достигла предела. Нынешний год тяжелее предыдущего, так как урожай был плохой, отчего хлеба мало и он очень дорог. Так вот: тогда король и Неккер, его министр финансов, решили созвать Генеральные штаты. Неккер, говорят, очень добр, он любит народ и потому дает королю хорошие советы. Генеральные штаты — это совет, составленный из представителей трех сословий — знати, духовенства и третьего сословия, то есть нас, простых людей, которых во Франции большинство. Как говорит Батист, знать сильна

властью, духовенство деньгами, а третье сословие — численностью. Вот мы и надеемся, что народ заставит, наконец, прислушаться к своим требованиям.

Пятница, 24 апреля 1789.

Вчера булочная на улице Сен-Бернар была разграблена толпой. Толпа кричала: «Воры! Спекулянты! Наши

дети мрут с голоду!» А тем временем король играет в трик-трак, а королева Мария-Антуанетта дает балы. Неужели король не понимает, что народ не может больше терпеть такие тяжкие лишения?!

Вторник, 5 мая 1789.

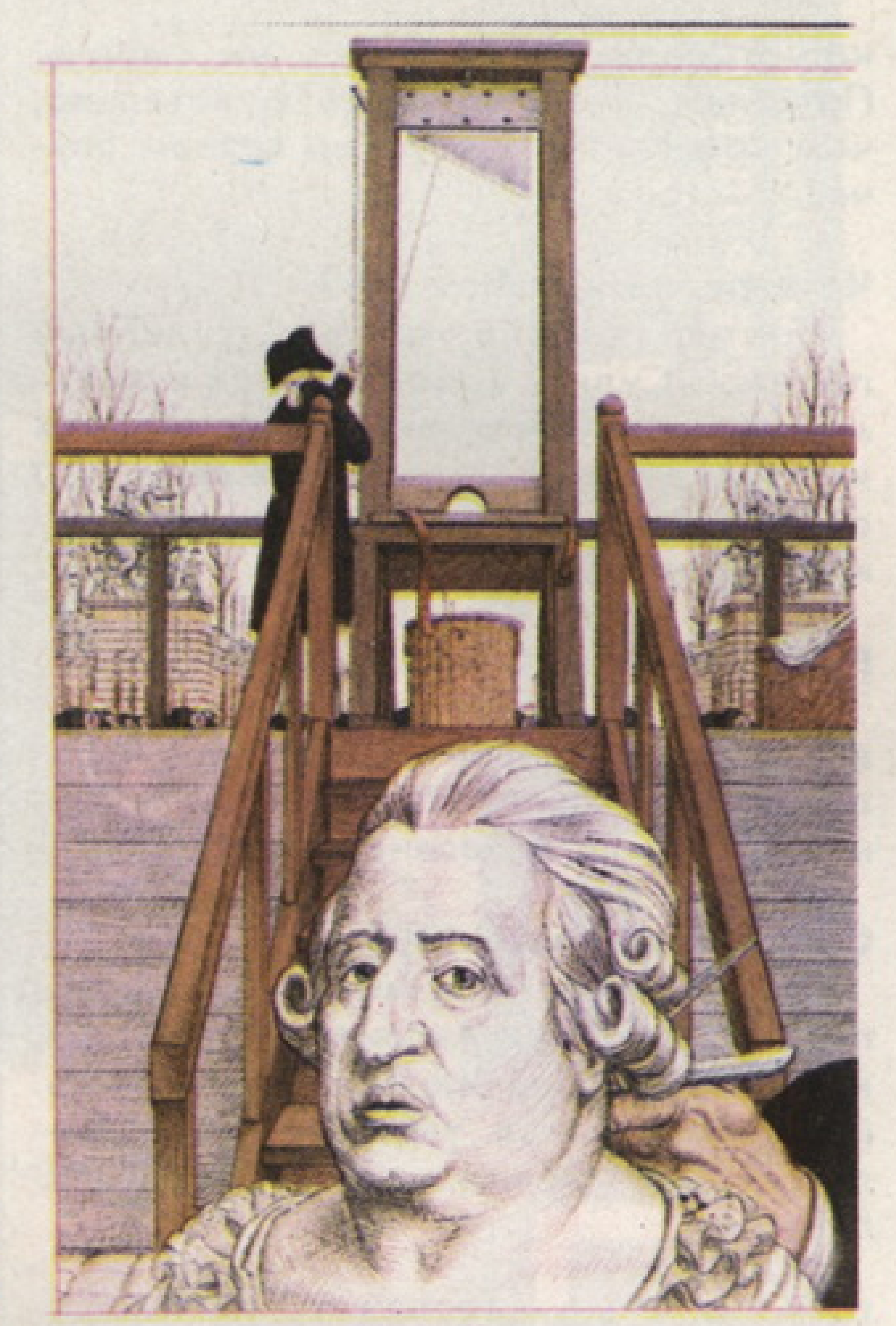
Сегодня все мы — отец, Батист, Мишель, Жанна и я — отправились в Версаль посмотреть на церемонию открытия Генеральных штатов. Сперва тысяча двести депутатов, король, королева и весь двор присутствовали на мессе. Потом процессия с белыми знаменами, на которых вышита золотая королевская лилия, прошла по городу. Улицы были забиты народом, и все чувствовали, что готовится что-то важное. Отец плакал от радости. Сперва прошли представители третьего сословия в своих черных одеждах. Толпа оглушительно аплодирует им. Следом идет знать. Их мало, но как роскошно они

одеты! Кружева, шляпы с перьями, золотые перевязи. При их появлении толпа мгновенно стихает. И так же точно безмолвствует при виде духовенства. Это будет им хорошим уроком!

Четверг, 18 июня 1789.

Важное событие! Третье сословие отныне решило называться «Национальным собранием»! Вчера депутаты третьего сословия собрались в Зале для игры в мяч и дали там торжественную клятву «не расходиться до тех пор, пока не будет утверждена Конституция, подкрепленная прочными гарантиями». Отец сказал мне, что эта фраза переменит всю нашу жизнь. Со вчерашнего дня Людовик XVI называется не королем Франции, а королем французов, и должен править страной вместе с нами. Отец говорит, что все это очень важно: изменяя слова, изменяют идею.

Суббота, 11 июля 1789.

Цены на хлеб поднялись вновь. Говорят, аристократы и хлеботорговцы сговорились уморить народ голодом. Все вокруг твердят о «мучном заговоре». По Парижу патрулируют солдаты. Народ вышел на улицы, никто не сидит дома.

Воскресенье, 12 июля 1789.

Вечером Батист и Мишель вернулись из Пале-Рояля с зелеными листьями в петлицах. В Тюильри Камилл Демулен, один из депутатов третьего сословия, замечательный оратор, призвал народ к оружию. «Мы не должны терять времени! — сказал он.— Наше единственное спасение — вооруженная борьба!» Потом он сорвал лист с дерева и добавил: «Зеленый цвет, цвет надежды, станет отныне нашим символом». И все вдели зеленые листья в петлицы.

Вторник, 14 июля 1789.

Ужасный и великий день для нашей страны! Народ Парижа только что взял Бастилию. На заре Батист, Мишель и я бесшумно вышли из дома. В 6 утра мы подошли к Инвалидам[1]. Близ арсенала гражданам уже раздавали ружья. Выкатывали пушки. Но оказалось, нет пороха. Раздался крик: «В Бастилию!» Там, в крепости, хранятся городские запасы пороха. Полдень. Мы стоим перед рвами Бастилии. Сотни тысяч людей собрались здесь. У коменданта крепости Делонэ требуют выдачи пороха. Он отказывает. Раздается треск: кому-то удалось перерубить канаты, и первый подъемный мост опускается. Но тут из крепости раздаются выстрелы. Несколько патриотов падают... К трем часам дня Делонэ приказывает, наконец, опустить второй подъемный мост. Толпа врывается во двор, разоружает гарнизон и освобождает семерых пленников Бастилии. Пушечный выстрел. Он возвещает о том, что крепость сдалась.

Пятница, 17 июля 1789.

Сегодня мне исполнилось 13 лет. Отец по случаю моего дня рождения впервые взял меня с собой в кабачок «Великий Неккер», где собираются все патриоты предместья. Рассказывают, что сегодня утром рабочие начали разрушать Бастилию. Наконец-то эта проклятая крепость будет сровнена с землей!

Пятница, 28 августа 1789.

Позавчера, как торжественно объявил нам отец, Национальное собрание, которое называют теперь Конституантой, или Учредительным собранием, заседало всю ночь и, наконец, проголосовало за «уничтожение привилегий». «Мы свободны и равны!» — этими словами начинается новая Декларация прав человека и гражданина, торжественно принятая Национальным собранием.

Пятница, 14 июля 1790.

С утра пораньше вся наша семья отправилась на Марсово поле. Все забито людьми, трибуны заняты еще со вчерашнего дня. А вот и король. В его честь дается 40 пушечных залпов. Толпа вопит: «Да здравствует король! Да здравствует нация!» Король произносит клятву Конституции: «Я, король французов, клянусь употреблять данную мне власть на поддержание и соблюдение законности в государстве». Королева поднимает вверх своего сына, пятилетнего дофина. Толпа восторженно приветствует всех троих.

Вторник, 21 июня 1791.

Невероятно! Король и его семья бежали! Бежали, оставив свой народ! Никто не знает, где они. На улицах царит страшная паника. Отец говорит, что это позорный поступок.

Суббота, 25 июня 1791.

Вчера короля привезли в Париж. Короля узнал начальник почтовой станции Друэ. Когда в королевскую карету впрягали свежих лошадей, король дал Друэ луидор, и тот, увидав изображение на монете, признал короля. Тотчас он поднял тревогу. Весь Париж сбежался поглядеть на вынужденное возвращение короля. Ни один человек не обнажил головы перед ним. Даже мой отец, а ведь он уверял, что нам невозможно обойтись без короля.

Воскресенье, 17 июля 1791.

Дантон и его друзья из клуба кордельеров потребовали от народа подписать петицию с требованием упразднения королевской власти, они хотят лишить Францию короля. Как

[1] *Особняк, построенный в 1670 году Людовиком XIV для ветеранов войн.— Здесь и далее прим. пер.*

быстро все меняется! Ведь еще в прошлом году на празднике Федерации все мы были за него! ...Петиция Дантона собрала уже 6000 подписей.

Суббота, 15 октября 1791.

Все кругом говорят о «клубах». Батист, например, восхищается Робеспьером, который теперь председательствует в клубе якобинцев. Это большой клуб патриотов, они собираются в монастыре якобинцев на улице Сент-Оноре.

Среда, 11 июля 1792.

Мы узнали, что огромная армия пруссаков и австрийцев движется на страну. Хорошо обученный, сытый, сильный враг готов раздавить нас. А мы... безоружны, без вождей!

Суббота, 11 августа 1792.

Король и его семья арестованы! Арестованы, точно бандиты! Отец говорит, что со времен взятия Бастилии это самое важное событие. Произошло это вчера. Дантон приказал разоружить королевскую гвардию и занять Тюильрийский дворец. Короля и его семью отвезли в тюрьму Тампль.

Понедельник, 18 сентября 1792.

Вчера я был в кабачке «Золотое солнце». Туда зашел друг моего отца Мерсье, который состоит в охране королевской семьи. Он рассказал, что король и королева очень изменились, сидя в тюрьме, Мария-Антуанетта совсем поседела, она сама учит дофина читать и писать. Король похудел. Сторожа обращаются с ними сурово, как с простыми заключенными. Я считаю, что это справедливо.

Пятница, 5 октября 1792.

На площадях города появилась ужасная машина — «Гильотина». Ее изобрел гражданин Гильотен, чтобы отсекать головы осужденным на смерть. Полагают, что это менее мучительно, чем колесование, и уж во всяком случае быстрее.

Четверг, 13 декабря 1792.

Против короля открыт судебный процесс. Судить короля! Люди в предместьях волнуются, они только об этом и говорят. Некоторые утверждают, что он это заслужил, что его преступления перед народом велики.

Понедельник, 21 января 1793.

В десять часов утра король Людовик гильотинирован на площади Революции. Ему было 38 лет. Голова казненного была показана народу.

Среда, 6 февраля 1793.

Война! Война! Все монархии Европы против нас. Это и Англия, и Голландия, и Австрия, и Испания. Можно подумать, наша Республика угрожает их королям! У нас мобилизовано уже 300 000 граждан.

Пятница, 1 марта 1793.

Сегодня вечером играли в карты в «Золотом солнце». Забавно: на картах нет больше ни королей, ни королев, ни валетов. Путаница страшная! Валет заменен на негра с Антильских островов, это символ равенства всех рас. Червовая дама называется теперь «Свободой культов», пиковый король — «Гением искусств», а червовый король — «Гением войны». В Вандее идет война роялистов [2] с республиканцами.

Перевела с французского
Ирина ВОЛЕВИЧ

(Окончание следует)

[2] *Роялисты — сторонники королевской власти. В Вандее крестьяне-роялисты сражались с республиканцами особенно ожесточенно.*

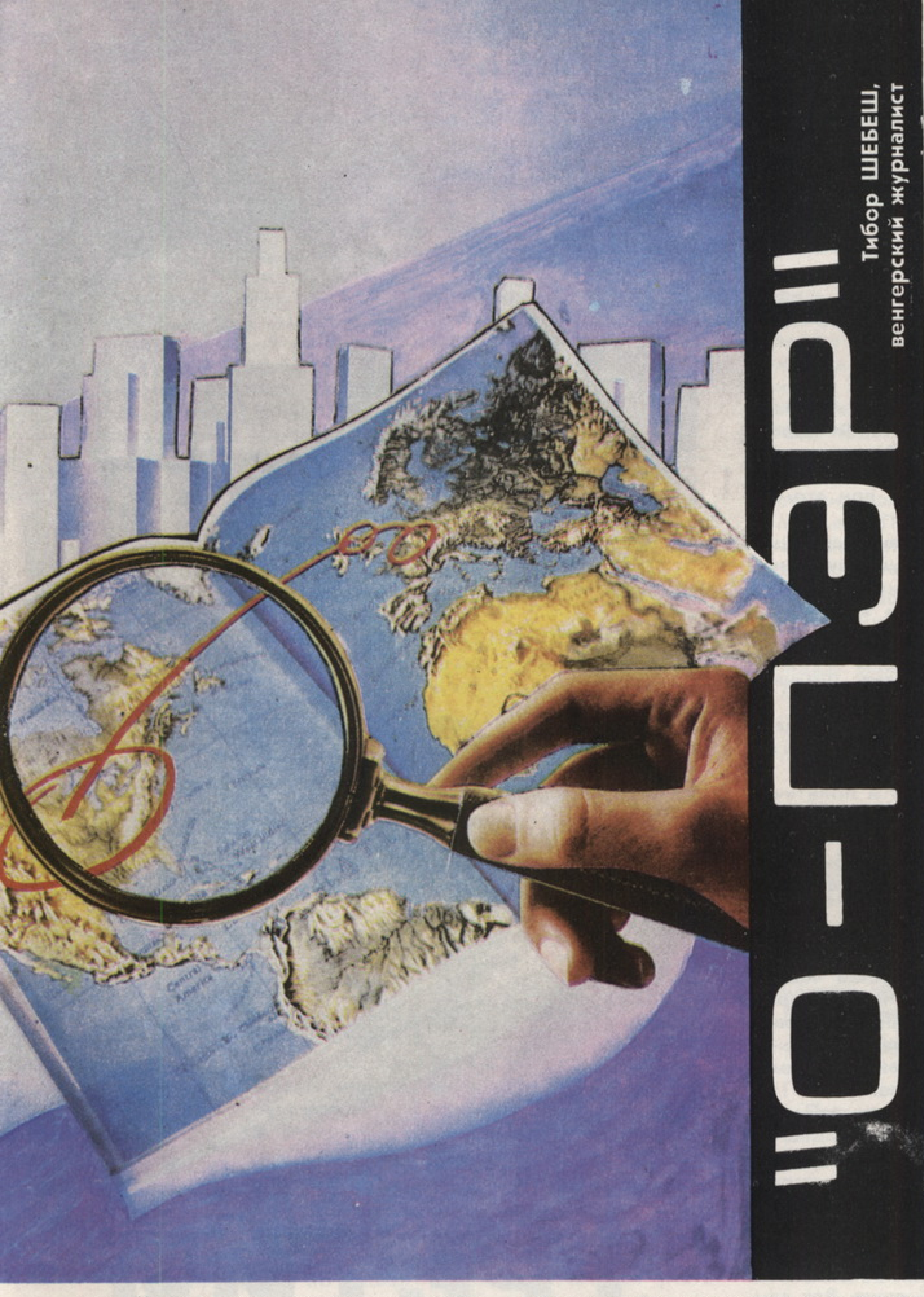
«О-ПЭР»

«О-пэр». Это французское выражение, означающее равнозначность, взаимность, сегодня перешагнуло границы Европы и символизирует целое движение. Уточняя суть этого движения, скажем, что оно предполагает взаимную заинтересованность двух сторон — хозяина и зарубежного «гостя», который за свою работу по дому обеспечивается жильем, питанием, карманными деньгами и главное, ради чего существует это движение,— возможностью выучить иностранный язык.

История «О-пэр» начинается еще в прошлом веке. В Швейцарии немецкоязычные семьи отправляли своих дочерей в знакомые французские семьи, чтобы девушки обучались французскому языку, а заодно — на людях-то это легче — умению вести себя в обществе. В основном это были семьи среднего класса, для которых устроить таким образом своих дочерей было реальной возможностью дать им более полное воспитание. В 1887 году Англия, Бельгия, Голландия, Франция, Германия, Дания и Швейцария создали небольшой комитет, который помогал желающим найти семьи, готовые их принять.

После второй мировой войны «О-пэр» возродилось. Действительно, это был самый дешевый, но и дающий большие возможности способ выучить язык, живя за границей. Кроме того, теперь в «О-пэр» могли участвовать не только девушки, но и молодые люди. Однако с расширением движения возникли новые трудности: некоторые хозяева использовали подростков лишь как дешевую рабочую силу и плохо обращались с ними. Это заставило представителей большинства стран — участниц Европейского совета в своей штаб-квартире в Страсбурге потребовать выработать единые правила для принимающих гостей участников «О-пэр». Договор был принят в 1969 году, и хотя ратифицировали его лишь четыре страны, в большинстве стран этот документ все же является основой деятельности движения «О-пэр». В 70-е годы, кроме западноевропейских стран, стали принимать у себя и посылать за границу подростков США, Канада и Израиль.

Самое распространенное в «О-пэр» время пребывания в семье — от 6 месяцев до года (в некоторых странах до 2 лет). В обязанности молодого человека входит 30-часовая «рабочая неделя». Семья же должна предоставить ему один или два выходных дня в неделю. В тех странах, где существует так называемый «летний «О-пэр», принимающий студентов в летние каникулы, работа может занимать в день 8—10 часов, правда, и карманные деньги тогда позначитель-

«О-ПЭР»

Тибор ШЕБЕШ, венгерский журналист

нее. Кроме того, существует много других разновидностей «О-пэр», в том числе и такая, когда семья предоставляет девушке или молодому человеку только комнату за 12 часов работы по дому в неделю и помощь в походах за покупками. Государственные, частные или церковные бюро «О-пэр» помогают — если за первую неделю-две не сложится взаимопонимание — найти другую семью.

Минимальный возраст участников «О-пэр» в Великобритании и Швейцарии 17 лет, в остальных странах — 18 лет, максимальный — 30, правда, устроиться людям старше 27 довольно трудно. Главное — это знание основ языка данной страны (как сможет заниматься с английскими детьми тот, кто не говорит по-английски?). Участники не должны состоять в браке, некурящие имеют преимущество. В большинстве семей это обстоятельство является непременным условием. Для жизни в провинции часто требуются водительские права. Условия для девушек таковы: они должны уметь готовить, гладить и самостоятельно заниматься с детьми. Немного, если учесть, что за все это они получают полное бесплатное обеспечение, в основном — отдельную комнату, а также бесплатную медицинскую помощь. Карманные деньги в каждой стране выдаются по-разному: в ФРГ сумма может достичь 250—300 марок в месяц, в Великобритании 15—20 фунтов, в Австрии 600 шиллингов в месяц.

Нет точных данных, сколько участников «О-пэр» живет и работает в различных странах. В Великобритании примерно 25 тысяч, во Франции — 20 тысяч, в ФРГ — 5 тысяч. Бюро «О-пэр» есть во всех европейских странах. И еще. Разумеется, мы не перечислили здесь всех плюсов и минусов этого движения, которое уже больше работает по принципу «узнай страну, овладей ее языком!». Но главный плюс его очевиден — оно популярно у молодежи.

Перевела с венгерского
Н. РОГАЧЕВА

Комментарий председателя Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ Алексея ХОХЛОВА

Опыт «О-пэр» для нас сегодня важен и нужен. «Спутник» уже несколько лет занимается развитием социального туризма молодежи, то есть не просто «посмотрите направо, посмотрите налево», а таких форм молодежных контактов, когда открывается возможность узнать помимо того, «что у них», еще и — а это важнее — «как у них». А для этого необходимо, чтобы молодые люди ездили к своим сверстникам и смотрели, как они работают, жили в их семьях и узнавали, как они живут. Мы же лишь недавно перестали стесняться приглашать иностранцев пожить в наших не очень-то богатых «квадратных метрах» с не очень устроенным бытом, хотя молодые ребята, приезжающие из-за рубежа к нам, постоянно просили об этом. Это и понятно: гостиницы не всем молодым по карману, да их и не хватает.

Поэтому контакты в той форме, которую уже опробовала «О-пэр», кстати, подобных организаций в мире существует множество, очень нужны нам сегодня. Тем более что люди, приезжающие к нам, знают о том, что у нас есть и чего нет, не хуже нас. Поэтому давайте подойдем к опыту «О-пэр» максимально по-деловому.

Прежде всего я убежден, что за развитие «О-пэр» у нас проголосуют многие. Но одновременно хотелось бы обратиться к читателям «Ровесника» с предложением: напишите, каким конкретно вы видите свое участие в «О-пэр». Уверен, что вы дополните эту идею своими предложениями.

«Спутник» же тем временем займется созданием у себя «банка информации». В ближайшее время будет разработана анкета, в которой каждому желающему принять участие в «О-пэр» нужно будет указать данные о себе, о своих жилищных условиях, о том, какой иностранный язык вы знаете (изучаете или хотите изучить) и, соответственно, в какую страну и в какое время хотите поехать. Здесь придется учесть, что сроки такой поездки будут, видимо, не дольше каникул или отпуска. Эти анкеты «Спутник» систематизирует и передаст своим зарубежным коллегам, которые, в свою очередь, постараются подыскать вам партнера.

Конечно, подготовительная работа займет какое-то время. Но начинать у нас «О-пэр» нужно уже сегодня.

Пишу вам в связи с опубликованным в вашем журнале материалом «Три портрета Че». Отвечаю на вопросы, поставленные редакцией:

1. Много ли найдется в истории человечества политиков, которые, достигнув власти, отказались бы от нее и вступили в новый круг борьбы?

Нет. Это — уникальный пример человеческой честности и воли. Пример неравнодушия.

2. В чем причина интереса к Че Геваре?

Причина в том, что в его жизни сплелись все больные вопросы XX века.

Но далее:

3. Как бороться с несправедливостью и злом?

С помощью международного права усилиями Организации Объединенных Наций, осуждающей «кровавые» режимы. Использованием санкций.

4. Должно ли добро бороться против зла насильственными методами и не превращается ли оно при этом в свою противоположность?

Был случай, когда угнетаемые, победив антинародный режим, создали чудовищно кровавую клику «красных кхмеров» Пол Пота — Иенг Сари в Камбодже.

5. Возможно ли высаживаться с оружием в руках на территории чужой страны, где существует диктатура?

На этот вопрос отвечает пример интернациональной солидарности — вооруженной борьбы против Франко, фашистского диктатора в Испании.

6. Каким иным путем бороться против несправедливости и жестокости, совершающихся то в одной, то в другой стране?

Необязательна именно борьба, возможен и политический компромисс, мирное урегулирование.

7. Кто Че Гевара для вас?

Несмотря на все мое огромное уважение и почитание пламенного борца Че, для меня лично Че Гевара — экспортер революции.

8. Что жизнь Че и опыт Че значат для современного мира?

Для сегодняшнего мира и провозглашенной нашей страной политики нового мышления жизнь Че — история прошлого. А опыт Че, к сожалению, не принял массовости. В других странах, несмотря на уважение и признание Че, не появились новые Че Гевары, и понятно почему.

Вот и все, пожалуй. Постарался быть искренним.

Читатель журнала «Ровесник», г. Аркалык

В 1982 году у меня погиб отец, а весной 1983 года я взяла книгу из серии ЖЗЛ об Эрнесто Че Геваре, и тогда я стала читать ее и прочитала только первую часть, «Боливийский дневник» у меня просто сил не хватило читать (о его гибели). С тех дней он стал для меня вторым отцом, я стала сверять свои дела с его делами, исправляла ошибки, но он был всегда рядом со мной, в моей душе. Вот вам третий портрет Че.

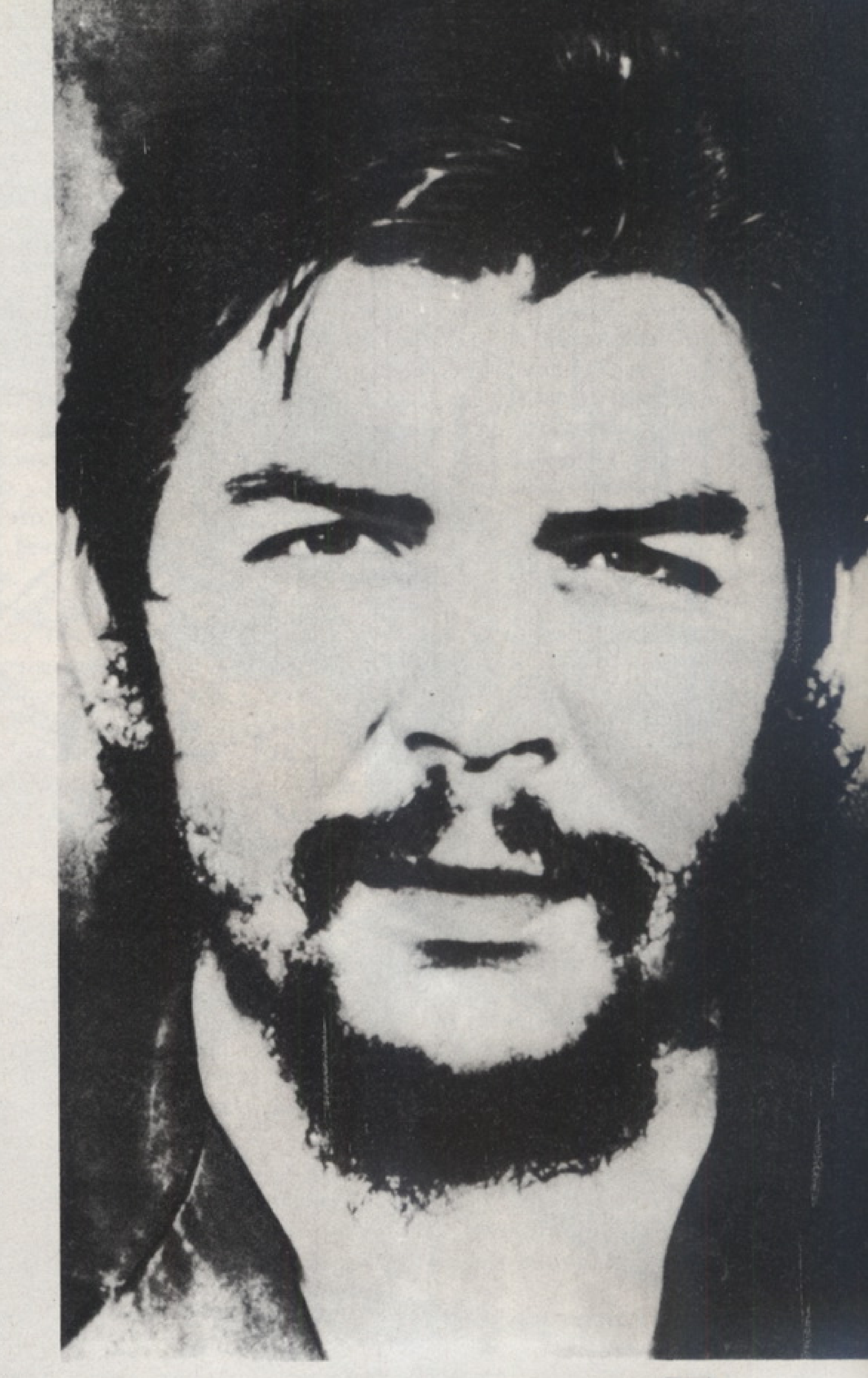
Наташа Карпова, 18 лет

Жизнь Че показывает, что само существование человека и есть борьба, но выражена она в разных формах: одни борются за свое материальное благополучие, другие, как Че Гевара, не могут смириться с тем, что рядом, в соседней стране, страдает народ под гнетом диктатора, и устремляются на помощь. Для современного мира жизнь и опыт Че учат главному — способности протянуть руку помощи тем, кто в этом нуждается, глубокому состраданию и, конечно, необычайной работоспособности.

Эдуард Гелевера, 17 лет, студент

Че был человеком необыкновенным, я бы сказал, человеком, не принадлежащим нашему времени. Для понимания этого, может быть, смелого утверждения надо обратиться к формуле его нравственности — «чувствовать как удар, нанесенный по тебе самому, любую агрессию, любое оскорбление, любое действие, направленное против достоинства и счастья человека в любом уголке мира». Он жил, считая, что к жизни необходимо предъявлять чрезмерные требования; не только верить в то, что должно быть на свете, но бороться за то, чтобы это стало реальностью. Для Че марксизм является теорией освобождения и самоосуществления человеческой личности. «Революционная борьба делает людей чище, лучше»,— писал он.

Лазаро Маркес Яухерт, студент 3-го курса физического факультета МГУ

ТРЕТИЙ ПОРТРЕТ ЧЕ

Ровно год назад «Ровесник» опубликовал материалы об Эрнесто Че Геваре. В одном из них рассказывалось о том, как этот человек начинал свой путь, в другом изображался его трагический и героический конец. «Три портрета Че» — так мы назвали ту публикацию из двух материалов, приуроченную к 60-летию Че Гевары. Третий же портрет мы предложили тебе, читатель, создать самому. Редакция получила много писем, огромное спасибо за ваши отклики. Сегодня мы публикуем некоторые из них.

Мне 23. Образование неполное высшее.

Я знаю о Че немного.

Я только думаю, что если бы большинство моих ровесников были бы в чем-то похожи на Че Гевару, то жить было бы интересней. Я думаю, по крайней мере думала, что Че — идеал коммуниста. К сожалению, современные советские коммунисты практически ничем не отличаются от беспартийных. Единственной своей обязанностью многие члены партии считают трудиться лучше беспартийных. Я очень разочаровалась. Взять, к примеру, моего двоюродного брата. Четыре года воевал в Афганистане. Офицер. Коммунист. Имеет награды (в том числе и орден Красной Звезды). Сейчас учится на «отлично» в военной академии в Москве. Это одна сторона медали. Вторая: пьет, груб, честолюбив, лицемерен, карьерист.

И таких «коммунистов» я знаю очень много. В партию вступают ради карьеры многие.

Я считаю, что настоящие коммунисты (революционеры) — в Латинской Америке. Я бы хотела, как и Че Гевара, бороться вместе с ними. Но как это сделать?

Фламбо, г. Тюмень

Я помню начало 80-х.

Помню пьяных парней, стреляющих мелочь около школы. Помню, как в актовом зале под шутовские аплодисменты старшеклассников телевизор транслировал открытие XXVI съезда. Помню, как душным олимпийским летом захлебывался «голосами» приемник «ВЭФ»: восстание в Польше! Помню, как мне сказали — умер Высоцкий. Помню напечатанное в «Правде» заявление правительства ДРА в начале 1980 года. Помню, как гнали на юг на глазах изумленных мальчишек военные эшелоны.

Помню Че Гевару.

Где и когда впервые услышал имя — забыл. Может быть, с диска «Гренады».

Как будто ты вместе с нами
Идешь вперед, как и прежде.
Был вождем ты и надеждой,
А теперь ты — наше знамя.

Я тогда еще не знал ничего, но чувствовал, как непохожа на эту та жизнь — с дымом костров, с дорогами через сельву, с оружием в руках. Те люди, думал я, знали, что делать и за что умирать. Их революция, яркая и чистая, поразила меня. А символом революции был Че.

Я хотел читать, но нашел так мало... Пытался учить испанский. Итальянский фильм, снабженный в периферийном кинотеатре сногсшибательной рекламой («...чтобы узнать планы врага, Че Гевара пробирается в лагерь рейнджеров...»), мне понравился.

Образ красивого и сурового партизана в черном берете вошел в мою жизнь с портретов и из книг. Я влюбился в его родину — Америку, которая не была и не будет Америкой Соединенных Штатов.

У меня есть друг. Тогда мы спорили до хрипоты. Он первым сказал «гниль». «Все гниет, все! — кричал он.— Неужели ты не видишь?» Нет, я видел, но... Ну ладно, думал я, пусть здесь плохо и никто не верит ни во что, и все устали, но ведь должен же быть где-то тот блистающий мир, который построил наш народ за 60 с лишним лет!

Позже я понял, что мир, который построили,— это тот, в котором мы живем.

Не было героев в отечестве.

Че спас меня.

Он помог сохранить в те страшные годы массового одиночества пусть наивную, детскую, но все же веру в светлое в человеке и в то, что сегодня все-таки новый день, а не тот, который был вчера. Сейчас это в самом деле так, а тогда...

Дыхание Внешнего Мира, огромного, залитого кровью и застланного дымом войн, дыхание, процеженное и отфильтрованное телеэкранами, все же доходило до нас. Страдания, голод и горе, с которыми ежедневно сталкивается большинство населения планеты, увы, не воспринимались и не воспринимаются здесь, в Союзе, как реальность. Но тем, кто оказался способен представить себе это, какими ничтожными начинали казаться наши «местные» проблемы! Да и что мы знали тогда о них, о проблемах наших?

Че не был для меня ни политиком, ни военным. Он был романтиком, который искал свою звезду, подобно Хоакину Мурьете. Потом я прочел о его последних днях и понял, что он ошибался кое в чем. Да, ошибался и заплатил за это собственной жизнью. Что вам еще надо?

Нет, говорили мне, твой Гевара — авантюрист. Экспорт революции и все такое прочее. Да и вообще у него было две жены. И вся твоя революционность, продолжали эти люди, впрочем, как и его, происходит от комплексов. Для тебя Гевара все равно что наркотик. Ты не хочешь менять то, что вокруг, ты хочешь сбежать отсюда. Одни отращивают волосы, другие бреют, а у тебя вот — Че Гевара.

Я обижался. Но сегодня вижу, что отчасти они были правы.

Я не то что не хотел ничего изменить — хотел, но не знал как. Меня окружала стена, как и многих, и многие бились до крови об эти прозрачные стены, а еще больше людей приспособились и затихли.

Но я знал, что Революция продолжается. Революция наступала в горах Сальвадора, в африканском буше, на баррикадах Сантьяго. Я это знал, и, наверное, потому мне удалось обойти стену почти без потерь. Че был лучом света, пробившим плотное серое небо над Москвой.

Как-то раз я нацепил значок с эмблемой чилийского сопротивления. «Ты, наверное, псих,— сказали мне.— Панк — это понятно, но чилиец?!»

Постепенно нашлись люди, примерно такие же сумасшедшие, как я. Мы старались помочь им — тем, кто делал Революцию. Работа шла туго. Часто нас не понимали не только советские, но и те, ради кого мы все это затеяли. Было очень горько.

«Вероятно, мы делаем что-то не так?» — начали размышлять мы, и тут грянула гласность.

Многое изменилось.

Мы поняли, что наша страна ни в какой своей части не является раем земным, где тишь и благодать, и не имеет шансов стать таковой в обозримом будущем. Поняли, что ходим по костям расстрелянных, замученных, раздавленных чудовищной машиной репрессий, рядом с которой бледнеют стадионы Пиночета и казематы Стресснера. Поняли, что живем среди народа, который приучили молчать и выполнять приказы. И мы поняли наконец, что на нас смотрит вся планета и что судьба Революции решается не в Сантьяго или Гаване, а в Москве.

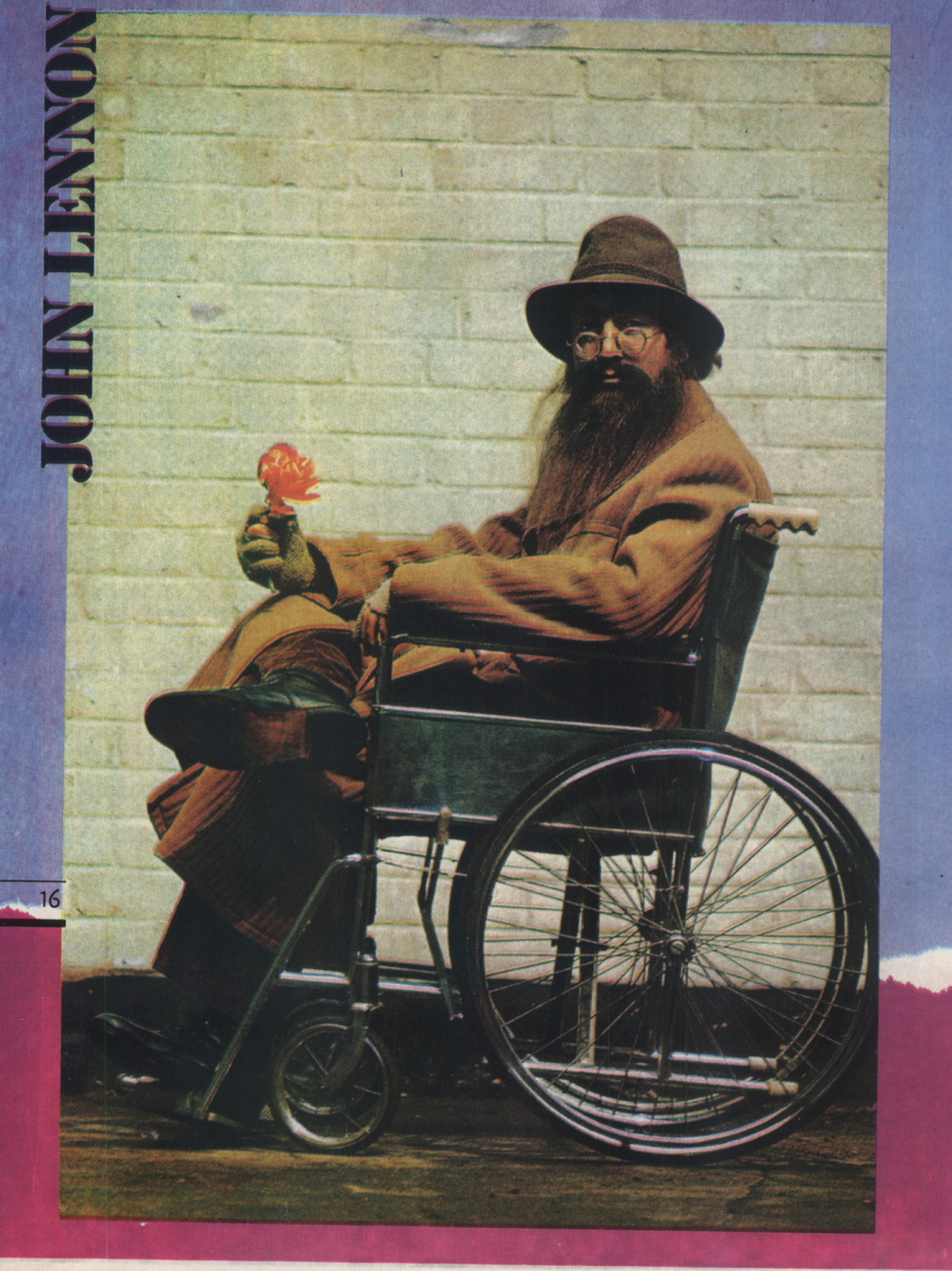
А Че?

Че — это контакт, замыкающий цепь. Это связь с теми, кто в горах, в городском подполье, в тюрьмах и лагерях, в рядах демонстраций под дулами водометов продолжает вечную битву за лучшее будущее для человечества.

Они там делают свое дело, мы здесь — свое, но цель одна.

«Знаешь, политикой я не занимаюсь,— сказал мне человек, причисляющий себя к Системе,— политикой не занимаюсь, но уважаю Гевару. Он был бесстрашен. Победить страх — это как раз то, что необходимо нам сейчас».

Н. Муравин, Москва

G

РЭР

«GUESS WHO» («Гесс ху»), группа «Угадай, кто!» образовалась в 1963 г. в Канаде.

Исходный состав: Рэнди Бахмен, гит., вок.; Чад Аллен (наст. имя Аллен Коубел), вок.; Гарри Петерсон, уд.; Боб Эшли, бас.

В 1959 г. Р. Бахмен и Ч. Аллен сформировали группу «Allan And The Silvertones». К тому времени Бахмен закончил школу и поступил в технологический институт г. Виннипега; побывав в Лондоне на концерте «The Who», Бахмен решил переименовать свою группу в «Г. х.».

Вскоре Ч. Аллен вышел из состава «Г. х.», и вместо него появился вокалист Бертон Каммингс, ставший основным соавтором Бахмена. Ориентированные на рок-н-ролл композиции группы пользовались умеренной популярностью в Канаде и практически не достигали амер. хит-парада. Несколько ужесточив гитарную основу музыки, «Г. х.» к 1967 г. смогли наконец пробиться на амер. рынок.

В 1969 г. группа записала песню «Эти глаза», которая заняла 6-е место в амер. хит-параде. «Г. х.» стали популярны среди радиослушателей, а их песня «Американская женщина» (1970) заняла первое место в таблице популярности США.

В том же году, когда «Г. х.», казалось, нащупали путь к успеху, Р. Бахмен покинул группу и организовал «Бахмен-Тёрнер овердрайв» («РЭР» № 1/88). После его ухода в группе непрерывно менялись гитаристы, но ни один из них не смог стать равноценной заменой Бахмену. Несмотря на умеренный успех в первой половине 70-х («Г. х.» записали еще несколько хитов — «Rain Dance», 1971, 19-е место; «Albert Flasher», 1971, 29-е место; «Clap for the Wolfman», 1974, 6-е место), в 1976 г. группа прекратила свое существование.

В 1977 г. бывшие музыканты (кроме Бахмена и Каммингса) попытались возродить «Г. х.». В результате появилось несколько групп с таким названием, причем в двух играли музыканты, никогда не входившие в состав оригинальной группы. В конце концов осталась одна группа с названием «Г. х.» — она и сегодня выступает в небольших клубах и записывается на независимых фирмах.

Пл.: Shakin' All Over, 1968; Guess Who, 1968; Wheatfield Soul, 1969; Canned Wheat Packed by The Cuess Who, 1969; American Woman, 1970; Share the Land, 1970; So Long, Bannatyne, 1971; Best of The Guess Who, 1971 (сборник); Rockin', 1972; Live at The Paramount, 1972 (концертный); № 10, 1973; Best of The Guess Who, volume 2, 1973 (сборник); Artificial Paradise, 1974; Road Food, 1974; Flavours, 1974; Power in the Music, 1975; Born in Canada, 1975 (сборник); Greatest of The Guess Who, 1975 (сборник); Play The Guess Who, 1976 (сборник).

Изменения состава: 1965 — Аллен, — Эшли, + Бертон Каммингс, клав., вок., + Брюс Декер, бас; 1966 — Декер, + Джим Кейл, бас; 1970 — Р. Бахмен, + Грег Лескью, гит., + Курт Уинтер, гит.; 1972 — Лескью, — Кейл, + Дон Макдугалл, гит., + Билл Уоллес, бас, вок.; 1974 — Уинтер, — Макдугалл, + Доменик Тройано, гит., вок.

Б. Каммингс соло: Burton Cummings, 1976; My Own Way to Rock, 1977; Dream of a Child, 1978; Sweet, Sweet, 1981.

«GUN» («Ган»), группа «Винтовка» образовалась в 1967 г. в Великобритании.

Состав: Адриан Куртис (наст. имя Адриан Гурвиц), гит., вок.; Пол Куртис (наст. имя Пол Гурвиц), бас, вок.; Луис Фаррел, уд.

Братья Адриан и Пол Гурвицы в 1966 г. закончили Лондонскую консерваторию (Адриан — по классу скрипки; Пол — фортепиано). В 1967 г. Адриан был кандидатом в вокалисты для «Крим», но когда группа решила не раздувать состав, братья в свою очередь организовали трио «Г.».

Дебютный альб. оказался успешным, две композиции из него («Race with the Devil» и «Yellow Cab Man») попали в англ. хит-парад. Как писала англ. «Мелоди мейкер», «странно, что именно эти две вещи привлекли внимание критиков: любая из восьми композиций диска могла бы возглавить хит-парад любой страны». Для музыки группы были характерны мощные симфонические «вставки», тонкие аранжировки, причем структура композиций при этом оставалась «классической» для хард-рокового трио.

Следующая пл. успешно повторяла идеи первой; в результате «спрос» на Адриана вырос, и трио распалось. Адриан принял приглашение Джинджера Бейкера («РЭР» № 1/88) и вошел в состав его группы «Three Man Army» — вместе с братом он участвовал в записи всех пластинок группы. Потом (также с братом) Адриан входил в состав новой группы Бейкера «Baker-Gurvitz Army». Затем братья играли в группе Грэма Эджа, барабанщика «The Moody Blues», с 1974 по 1977 г. занимавшегося сольной работой.

В конце 70-х следы Пола потерялись, а Адриан продолжает успешно работать соло. В 1982 г. его композиция «Classic» поднялась на 10-е место англ. хит-парада. Адриан совмещает сольную деятельность с работой сейшнмена на студии «Декка».

Пл.: Gun, 1968; Gunsight, 1969.

Адриан Гурвиц соло: Sweet Vendetta, 1979; Il Assassino, 1980; Somewhere I Am, 1982; Adrian Gurvitz' Quickshot, 1984; Into the Darkness, 1985 (сборник); Still and Quiet Life, 1987.

«GUNS N'ROSES» («Ганз энд роузиз»), группа «Винтовки и розы» образовалась в 1985 г. в США.

Состав: Даблъю Аксл Роуз (наст. имя Билл Бейли), вок.; Айзи Стрэдлин, ритм-гит.; Слэш (наст. имя Сол Хадсон), соло-гит.; Дафф Маккаген, бас; Стив Адлер, уд.

Бывшие одноклассники Роуз и Стрэдлин в 1980 г. организовали группу «Hollywood Rose», которая в течение двух лет безуспешно пробивалась на профессиональную эстраду. После распада группы они поместили объявление в музыкальном журнале, на которое откликнулись Маккаген, выступавший до этого в известной лос-анджелесской группе «L. A. Guns», и Слэш, профессиональный гитарист, за несколько лет своей карьеры сменивший около 30 различных групп. Вначале группа выступала под названием «Heads of Amazon», потом — «AIDS», и в конце концов, соединив названия двух групп, из которых пришли музыканты, появились «Г. э. р.».

Избрав в качестве музыкального ориентира стиль таких групп, как «Аэросмит» и «Назарет», «Г. э. р.» в короткое время зарекомендовали себя как одна из наиболее интересных групп, исполняющих «ураганный хард-рок» — именно так определили их манеру амер. критики. Группа выступала в качестве «подогревателя» перед концертами «Аэросмит», причем молодежь воспринимала «Г. э. р.» с гораздо большим энтузиазмом, чем «гвоздь программы».

РЭР вне очереди

GARY MOORE

Роберт Уильям Гэри Мур родился 4 апреля 1954 года в Белфасте. После окончания Лондонской консерватории познакомился с Филом Лайнотом, выдающимся бас-гитаристом, позже получившим известность как лидер группы «Тин Лиззи». По совету Лайнота Мур организовал группу «Skid Row», и в 1970 году вышел первый диск, который самому гитаристу не очень понравился. Группа продолжала выступать, но уже без Гэри — он начал записывать сольные диски.

В 1974 году его пригласил Лайнот, и вместе с «Тин Лиззи» Мур принял участие в записи альбома «Ночная жизнь». В 1975 году он организовал группу «Колоссеум-2» (первый «Колоссеум» распался в 1971 году), но после выпуска трех дисков в 1978 году закончила свое существование и эта группа. В 1979 году Гэри вновь записывается с «Тин Лиззи» (диск «Черная роза»), затем полностью сосредоточивается на сольной работе.

Сегодня в активе у Мура пятнадцать сольных дисков, причем с ним всегда сотрудничают самые известные музыканты, такие, как Иэн Пейс, Гленн Хьюз, Нейл Картер и многие другие. Его последняя работа — альбом «После войны», вышедший в январе этого года, пожалуй, первое политическое выступление гитариста. Однако в отличие от некоторых других рок-музыкантов, пытающихся участием в различных позитивных политических движениях заменить отсутствие интересных творческих идей, Гэри Мур прежде всего отличный музыкант. И это подтвердит любой, знакомый с его творчеством.

В 1986 г. группа записала интересную концертную сорокапятку, которая привлекла внимание крупной фирмы «Геффен рекордз». Через год был выпущен альб., ставший самым феноменальным дебютом среди амер. групп за всю историю рок-музыки: за год тираж пл. превысил 7 млн., а практически все песни, входившие в диск, были изданы в виде синглов. До сих пор в хит-парадах Англии и США находится песня «Sweet Child of Mine», ставшая международным хитом.

В августе прошлого года «Г. э. р.» выступали на традиционном фестивале «Монстры рока», который проводится в Англии — программа, в которую музыканты обычно включают композиции «Лед зеппелин» и «Роллинг стоунз», была признана самой интересной, затмив выступления «Айрон мэйден» и Дэвида Ли Рота.

Последние работы группы говорят о том, что сплав хард-рока и «металла» — а именно в этом стиле работают «Г. э. р.» — приобрел принципиально новое звучание, а это значит, что в лице «Г. э. р.» рок-музыка приобрела нового лидера, не уступающего по своим возможностям признанным «королям» прошлого.

Пл.: Live?! Like a Suicide, **1986 (EP — Live);** Appetite for Destruction, **1987;** GN'R Lies, **1988 (сборник + 4 новые песни);** Lies! The Sex, The Drugs, The Violence, The Shocking Truth, **1988 (**mini LP**).**

GUTHRIE, ARLO. **Арло Гатри, гитарист, пианист, композитор. Род. 10.7.47. в Нью-Йорке.**

Сын знаменитого фолк-исполнителя Вуди Гатри, А. Г. с раннего детства вошел в мир музыки: в три года он уже прилично играл на губной гармонике, к шести годам освоил классическую гитару; в доме часто собирались знаменитые музыканты, среди них — Пит Сигер (см. «Ровесник» № 7/88). Окончив школу, А. Г. поступил в технический колледж, но вскоре бросил его, сосредоточившись исключительно на музыке.

В 1965 г. А. Г. начинает выступать в нью-йоркских клубах, пытаясь в своем творчестве избегать фольклорных интонаций, чтобы избежать сравнений с отцом. В это же время он получает воинскую повестку, по которой ему предстояло отправиться во Вьетнам. А. Г. уклоняется от службы, «не чувствуя в себе призвания убивать женщин и детей», как говорил он в одном интервью, и вступает в прямую конфронтацию с Пентагоном; ситуация усугубляется еще и тем, что А. Г. активно участвует в антивоенном движении.

К 1967 г. А. Г. приобретает репутацию одного из наиболее интересных певцов-одиночек, исповедующих гитарный рок,— в отличие от кантри-фолк-баллад, традиционных для исполнителей такого рода. В том же 1967 г. А. Г. вместе с известной певицей Джуди Коллинз гастролирует в Японии и по возвращении записывает свой первый альб. (Примерно в то же время он выступает на фолк-фестивале в Ньюпорте, где тем не менее исполняет рок-композиции.)

В конце 60-х А. Г. сотрудничает в Питом Сигером, в его песнях, помимо традиционных для А. Г. тем защиты окружающей среды и борьбы за мир, появляется блистательный юмор и элементы самопародии. В августе 1969 г. А. Г. выступает на рок-фестивале в Вудстоке — одного лишь этого факта достаточно для того, чтобы А. Г. был занесен в историю рок-музыки.

Начало 70-х ознаменовалось для А. Г. выпуском великолепного альб. «Графство Вашингтон», признанного журналистами лучшим диском 1970 г. В 1972 г. его аранжировка известной песни Стива Гудмена «Город Новый Орлеан» занимает 18-е место в амер. хит-параде. Последующие работы А. Г. пользуются неизменным успехом у критиков, однако слушатели раскупают их не очень охотно. В связи с этим А. Г. идет на своего рода компромисс, записывая пл., в которых пытается смешивать фолк- и хард-рок.

В конце 70-х А. Г. много гастролирует по США и Западной Европе, выступает практически на всех антиядерных и антивоенных встречах. В свои концерты он часто включает песни таких музыкантов, как Ти-Боун Бернетт, Джимми Уэбб, Ричард Томпсон, Рики Ли Джонс и братья Эверли.

В 80-е гг. активность А. Г. несколько снизилась. С 1981 г. он не работает в студии, но продолжает участвовать в акциях, направленных на оздоровление международной обстановки.

Пл.: Alice's Restaurant, **1967;** Arlo, **1968;** Running Down, the Road, **1969;** Washington County, **1970;** Alice's Restaurant, **1970 (к фильму);** Arlo Guthrie Greatest Hits, **1972 (сборник);** Hobo's Lullaby, **1972;** Last of the Brooklyn Cowboys, **1973;** Arlo Guthrie, **1974;** Pete Seeger/Arlo Guthrie Together in Concert, **1975 (2LP —** Live**);** Amigo, **1975;** The Best of Arlo Guthrie, **1977 (сборник);** One Night, **1978;** Outlasting the Blues, **1979;** Power of Love, **1981;** Precious Friend, **1981 (с Питом Сигером).**

GUTHRIE, WOODY. **Вуди Гатри (полн. имя Вудроу Уилсон Гатри), 14.7.1912—3.10.1967, США. Вокалист, гитарист, композитор, поэт.**

В 30-е и 40-е гг. В. Г. воскресил амер. народные баллады, превратив их в средство социального протеста и заложив основу для творчества таких исполнителей, как Боб Дилан («РЭР» № 9/88). Его песни «This Land Is Your Land», «Pastures of Plenty», «So Long, It's Been Good to Know You» и сотни других сейчас являются классикой не только амер. фольклора, но и фолк-рока.

Отец В. Г. был профессиональным боксером и одновременно певцом и исполнителем на банджо. В 16 лет В. Г. покинул дом, работал почтальоном, маляром, мойщиком окон; в конце концов он стал уличным музыкантом. Этим он занимался до 1937 г. Позже В. Г. обосновался в Лос-Анджелесе; устроился диктором на местную радиостанцию, где зарабатывал доллар в день.

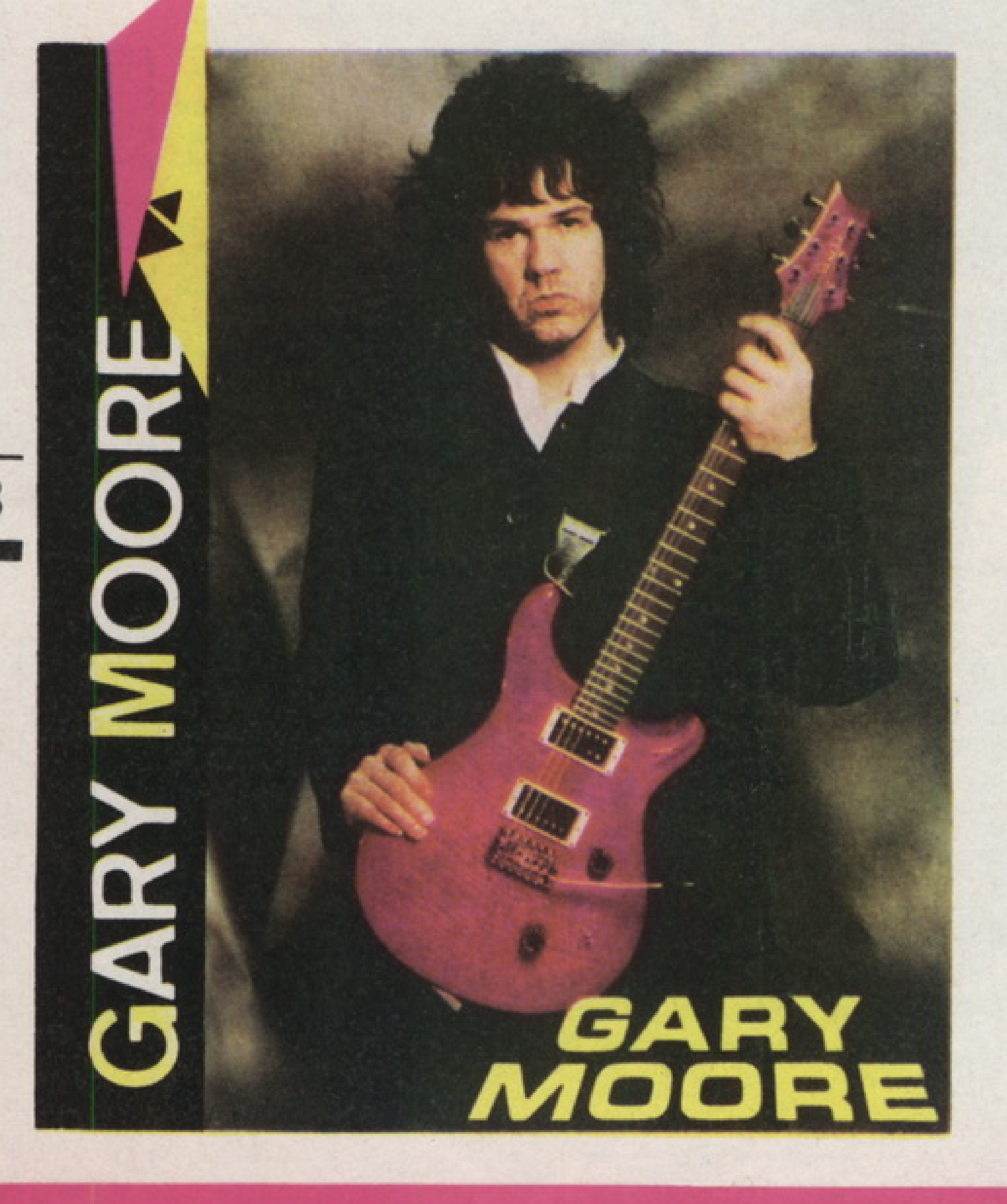
После начала второй мировой войны он переехал в Нью-Йорк, там познакомился с Питом Сигером и его группой «Weavers». Оба музыканта разделяли взгляды коммунистов, хотя в ряды Компартии США не вступали. (В. Г. вел регулярную рубрику в газете амер. коммунистов «Дейли уорлд».) В этот период В. Г. написал несколько антигитлеровских песен, которые пользовались большим успехом, особенно «The Machine Kills Fascists». С 1943 по 1945 г. он служил в корпусе морской пехоты США, участвовал в боевых действиях в Италии и Африке.

Хотя песни В. Г. получили широкое распространение, он не записывал пл. до 1940 г., когда ему предложили сделать серию дисков для Библиотеки конгресса. Эти записи были выпущены различными фирмами грамзаписи, в том числе и Ар-си-эй. В. Г. также записал несколько песен с Сонни Терри, но они не представляют значительного интереса.

В начале 50-х В. Г. пристрастился к алкоголю, и вскоре его увлечение приобрело хронический характер. Позже было обнаружено, что певец тяжело болен, и последнее десятилетие своей жизни В. Г. был прикован к постели.

В конце 60-х Пит Сигер, чья дружба с В. Г. началась еще в 30-е годы, организовал серию концертов, посвященных памяти В. Г. Два из них состоялись в Карнеги-холл (1968) и в «Голливудской чаше» (1970), в них принимали участие Боб Дилан, Том Пакстон, Джоан Баез, Джуди Коллинз, Ричи Хейвенс и Кантри Джо Макдоналд. Существует фонограмма этих концертов. В 1976 г. была экранизирована автобиография В. Г. (книга публиковалась в 1943 г.), роль В. Г. играл известный актер Дэвид Каррадайн. В том же 1976 г. была опубликована неиздававшаяся раньше книга В. Г. «Зерна человека».

Пл. (выборочно): Library of Congress Sessions, **1959;** Bound for Glory, **1960;** Dustbowl Ballads, **1964;** Woody Guthrie, **1966;** This Land Is Your Land, **1967;** Poor Boy — **13** of His Folk Songs, **1967 (сборник);** A Legendary Performer, **1977 (сборник).**

Он родился семьдесят лет назад в России, затем родители увезли его в США, он рос в Нью-Йорке «и рос на фактах — это единственная моя религия — факт. Вот уже шестьдесят лет, как я ненавижу всякого рода лженауки и псевдособытия, типа посещения Земли инопланетянами». Одновременно он — автор знаменитых научно-фантастических произведений, в которых ученые обнаруживают весьма точные решения научных задач, еще не существовавших во время написания этих произведений, но вставших перед наукой в наши дни.

Речь идет об американском писателе Айзеке Азимове. К его семидесятилетию Библиотека конгресса подготовила выставку — первоиздания 403 книг Азимова. «В «Книге рекордов Гиннесса» говорится о том, что автор таинственных историй Джон Криси написал 500 книг. Зато никто в мире не написал столько книг на такое количество разных тем, как я»,— уверяет Азимов, и, похоже, он прав. Он — автор огромного числа работ по истории, по истории науки, популяризаторских книг по различным ее направлениям, автор сатирических стихов, биографий знаменитых людей и, чем он более всего и известен во всем мире,— научно-фантастических романов, повестей и прекрасных рассказов, один из которых мы печатаем на этих страницах.

Точка воспламенения

Фантастический рассказ

Айзек АЗИМОВ,
американский писатель

— Правильно ли я вас понял? — Энтони Майерс наклонился к мужчине, сидевшему перед его столом.— Ваш компьютер не пишет речей?

— Нет, их напишете вы. Или кто-то еще,— сдержанно ответил Николас Дженсен, невысокий, опрятно одетый, со старомодным галстуком, ставшим редкостью в мире свитеров-гольф.— Моя разработка — это ряды слов и предложений, которые оказывают определенное воздействие на определенные группы людей в соответствии с их возрастом, полом, национальностью, видом занятий, местом жительства и тому подобным. Если вы сможете достаточно детально охарактеризовать аудиторию, перед которой будет выступать ваш человек, я представлю вам необходимые компоненты его речи. Чем больше известно о слушателях, тем точнее будут ключевые слова и фразы, выданные моим компьютером. Вплетенные в текст...

— А это возможно? Если вы дадите мне бессмысленный набор слов...

— Тут многое зависит от мастерства того, кто пишет речь, но далеко не все. Вспомните, как действовали африканские колдуны. Они били в барабаны до тех пор, пока слушатели не сливались в едином порыве, то есть пока аудитория не достигала точки воспламенения. Я предлагаю то же самое, но без барабанов. Понимаете?

Майерс потер подбородок и задумчиво посмотрел на собеседника.

— Вы это уже пробовали?

Дженсен сухо улыбнулся.

— Частично. И все-таки я знаю, о чем говорю. Я — специалист по массовой психологии и, насколько мне известно, первый, кто применил математические методы в этой области.

— И вам известно, каким будет результат?

— Нет, но я знаю, каким он может быть, теоретически.

— И вы хотите опробовать вашу программу на мне. А если ничего не получится?

— Чем вы рискуете? Денег я с вас не беру, а если верить тому, что мне говорили, без моей помощи ваш кандидат не имеет ни малейшего шанса.

Пальцы Майерса нервно забарабанили по столу.

— Позвольте рассказать о моем клиенте. У него впечатляющая наружность. Приятный голос. Он прост в обращении, нравится людям. При должном руководстве его могут избрать главой корпорации, членом конгресса и даже президентом Соединенных Штатов. Беда в том, что ему нечего сказать людям, и я должен вложить слова в его уста. Но одно он должен сделать сам: произнести речь, да так, чтобы люди думали, что говорит он от себя. Но вот как раз на это он и не способен: он не может произнести речь так, чтобы слушатели сочли его достойным этой речи. И вы можете лучше меня написать ему речь?

— Не лучше. Но понятней для слушателей. Он сумеет нажать кнопки и зажечь аудиторию.

— Что значит зажечь?

— Воспламенить. Любая толпа имеет свой порог воспламенения, хотя для каждой он будет свой.

— Мне кажется, это чушь, мистер Дженсен. Нет такой речи, которую не испортит мой дурачок.

— Наоборот. Дурачок может произнести ее лучше вас, так как будет говорить не думая. Вы познакомите меня с ним? Если, конечно, вы согласны на мое предложение.

— Вы понимаете, что разговор должен остаться между нами?

— Естественно. Так как я намерен продавать разработанные мной программы, секретность важна для меня так же, как и для вас.

Барри Уинстон Блох в юности играл в полупрофессиональной бейсбольной команде, окончил колледж где-то на Среднем Западе (хотя и не проявлял особого рвения к учебе) и избрал карьеру коммивояжера. Внешность у него была запоминающейся: его могучая фигура как бы излучала ум и энергию. К сорока годам в волосах Блоха начала пробиваться красивая седина, а манера откидывать голову назад и тепло улыбаться вселяла в окружающих уверенность в завтрашнем дне.

Обычно требовался час, чтобы понять, что за внешней привлекательностью ничего нет.

Последнее время Блох нервничал. Блох хотел выделиться. Втайне от всех он мечтал стать конгрессменом, а иногда думал, что в нем гибнет талант великого проповедника, но, к сожалению, на людях он терялся. После улыбок наступало время разговоров, и в этом он был несилен. Поэтому он и связался с Майерсом.

Но в присутствии этого маленького человечка с глазками-буравчиками, который сидел абсолютно неподвижно, пока Блох читал написанные речи, будущий конгрессмен чувствовал себя особенно неловко. Слова буквально застревали в горле.

Впрочем, в одном реакция Дженсена все-таки проявлялась: он давал Блоху новые речи. Каждая последующая немного отличалась от предыдущей, и все они чем-то волновали его, но Блох не знал, хорошо ли он их прочитал. Эти мысли навевали тоску.

Рукопись, предложенная ему в тот день, сразу не понравилась Блоху.

— Что это за значки? — недовольно спросил он.

— Ничего особенного, Би.Би.,— успокоил его Майерс.— Давай послушаем мистера Дженсена.

— Это инструкция. Ее надо выучить. Я думаю, вас это не затруднит. Тире означает паузу, черта над буквой — ударение. Стрелка перед словом, направленная вниз, указывает, что вы должны понизить голос, направленная вверх — повысить. Искривленная стрелка острием вниз — вы должны выразить презрение, острием вверх — праведный гнев. Круглые скобки означают слабую улыбку, двойные скобки — широкую, тройные — короткий смешок. Хохотать громко нельзя. Черта над словом говорит о том, что вы должны нахмуриться, двойная черта — повторить слово. Звездочка...

— Всего не упомнишь,— прервал его Блох.

Майерс, стоя за спиной своего подопечного, коротко кивнул, подтверждая, что придерживается того же мнения.

Дженсена это не смутило.

— Практика вам поможет. Ставки высоки, и стоит немного попотеть.

— Вперед, Би. Би.,— поощрил Майерс Блоха.— Попробуй прочитать текст, а мистер Дженсен тебя подправит.

Блох было запротестовал, но его природное дружелюбие взяло вверх. Он положил рукопись на кафедру и начал читать. Он запинался, хмуро вглядывался в текст, принимался вновь, замолкал.

Дженсен давал пояснения, и вновь раздавался голос Блоха. За первый час они осилили три абзаца, и Дженсен объявил перерыв.

— Это ужасно,— Майерс схватился за голову.

— А как вы управлялись с велосипедом, когда сели на него в первый раз? — возразил Дженсен.

В первый день Блох дважды прочитал речь, того же он добился и на следующий. Ему предложили вторую речь, отличную от первой, но также лишенную всякого смысла.

— Похоже, я вхожу в ритм,— сказал Блох неделю спустя.— Кажется, у меня начинает получаться.

— Я тоже так думаю,— без должной уверенности поддакнул Майерс.

— Я не ожидал от него такого прогресса,— отметил Дженсен, когда они с Майерсом остались одни.— У него есть определенный потенциал, но...

— Но что?

Дженсен пожал плечами.

— Ничего. Поживем — увидим.

— Я думаю, теперь он готов к выступлению перед аудиторией,— объявил наконец Дженсен,— при условии, что она будет достаточно однородна, и мы сможем провести точный анализ состава слушателей.

— Американской ассоциации ткачей нужен оратор, и я думаю, что смогу предложить им Блоха,— ответил Майерс.— Такая аудитория вас устроит?

— Ткачи? — Дженсен задумался.— Экономическое положение примерно одинаковое, не слишком будет разниться и интеллектуальный уровень. Мне нужно знать, из каких городов и штатов они приедут, с каких предприятий. Естественно, возраст, пол и тому подобное.

— Посмотрим, что я смогу получить от профсоюза. Времени маловато, знаете ли.

— Постараемся не терять его попусту. Программа в основном уже готова. А ваш протеже делает успехи в ораторском искусстве.

Майерс рассмеялся.

— Да, говорить он научился весьма убедительно. Признаться честно, я не стремлюсь к его избранию в Палату представителей. Я бы предпочел, чтобы он выступал на телевидении, излагая мое мнение... Я хотел сказать, свое мнение...

— Вы хотели сказать, ваше,— отрезал Дженсен.— Своего мнения у него нет.

— Это не имеет значения. Я немало вложил в него, и пришла пора получать дивиденды.

На приеме в ААТ Блох держался вполне пристойно. Следуя полученным инструкциям, он улыбался, избегал долгих рассуждений, рассказал пару-тройку анекдотов, упомянул две-три известные фамилии, но в основном слушал и кивал.

И все-таки Майерс нервничал. В случае провала они могли бы попытаться вновь, но при последующей неудаче пришлось бы признать, что он поставил не на ту лошадь. Сегодняшнее выступление могло показать, будет ли из клиента толк. Неужели такая внешность пропадет зазря? У него же профиль римского сенатора!

Он искоса взглянул на Дженсена, сидевшего слева. Маленький человечек казался невозмутимым, и лишь легкое подрагивание бровей выдавало его волнение.

Обед закончился, прошла деловая часть, участники конференции поблагодарили организационный комитет, собравшимся представили сидящих на сцене, короче, один за другим прошли все этапы, не имеющие никакой другой цели, как заставить понервничать томящегося оратора.

Майерс повернулся к Блоху, поймал его взгляд и поднял руку с пальцами, сложенными в букву V — «Victory!» («Победа».— *Пер.*). Вперед, Би.Би., задай им перца!

Но задаст ли? Речь получилась странной. Едва ли она читалась бы на газетной странице, если б и попала в колонку новостей, но, по утверждению Дженсена и его компьютера, была рассчитана именно на собравшуюся аудиторию.

Поднялся Блох. Прошел к кафедре, положил перед собой рукопись. Эти манипуляции он, как всегда, проделал мастерски, столь ненавязчиво, что сидящие в зале даже не поняли, что им предстоит выслушать целую речь.

Почему-то Майерсу вспомнился случай, когда оратор, энергично взмахнув рукой, сбросил рукопись с кафедры. Листы подобрали с пола, но оживить интерес слушателей уже не удалось.

Блох улыбнулся и начал говорить, размеренно чеканя каждое слово. (Не тяни, дурачок, прибавляй!)

Он не тянул. Темп нарастал. Иногда Блох делал паузу, вспоминая значение символа, стоящего перед словом или предложением, но, к счастью, всегда уместно, словно хотел, чтобы аудитория лучше осознала услышанное.

Он заговорил еще быстрее, эмоциональнее, и, к своему изумлению, Майерс услышал бой барабанов. Ключевые слова, выделение нужных мест — и в ответ незамедлительная реакция зала.

В какой-то момент зазвучал смех, затем раздались аплодисменты. Раньше Блоху никогда не аплодировали.

Тот раскраснелся, а после какой-то фразы его кулак с такой силой опустился на кафедру, что подпрыгнула стоявшая на ней лампа. (Не опрокинь ее, Би.Би.!) Слушатели ответили восторженным топотом.

Майерс ощущал нарастающее в нем возбуждение, хотя и знал, как тщательно готовилась речь. Он наклонился к Дженсену.

— Би.Би. захватил внимание, как по-вашему?

Дженсен кивнул. Его губы едва шевельнулись.

— Да. И, возможно...

Блох запнулся... и слушатели замерли, не решаясь вздохнуть, а затем смял страницы рукописи и отшвырнул их в сторону.

— Мне они не нужны! — взревел он.— Я не хочу читать по бумажке. Я написал все это до того, как увидел вас. А теперь позвольте мне высказаться от всего сердца, поделиться с вами тем, о чем подумалось мне прямо сейчас, перед вами. Позвольте сказать вам, моим друзьям, вам всем и каждому из вас, что есть мир, который я вижу, и тот, который я хотел бы видеть, и, поверьте мне, эти два мира совсем не одно и то же!

Аудитория взревела от восторга.

Майерс сжал плечо Дженсена.

— Он не сможет сказать все сам!

Но он смог и сказал. Он говорил и говорил, прерываемый аплодисментами и одобрительными криками. В шуме многие и не слышали его слов. А потом он протянул руки, словно обнимая сидящих в зале, и чей-то голос прогремел: «Еще! Задай им жару!»

И Блох задал жару. Суть его речи уже не имела значения, а концовка потонула в овации. Ему аплодировали стоя.

— Что произошло? — прокричал Майерс, повернувшись к Дженсену (он, как и остальные, энергично бил в ладоши).

Дженсен все еще сидел, словно завороженный увиденным. Затем он потянул Майерса за рукав.

— Разве вы не понимаете, что произошло? — Его голос дрожал.— Это же один шанс на миллион. И надо же такому случиться!

— О чем вы?

— Аудитория зажглась, а Блох выступал перед такой аудиторией впервые в жизни. Ораторы тоже имеют порог воспламенения. Блох перешел этот порог и теперь может повести за собой нацию и сдвинуть горы.

— Кто? Би.Би.?

— Да.

— Так это прекрасно!

— Неужели? Воспламенившись, он обретает силу, а осознав это, спросит себя, а нужны ли ему вы? Или я? И потом, какой он выберет путь? Искра божья не всегда использовалась во благо.

Блох подошел к ним, окруженный толпой.

— Как просто,— подмигнул он Майерсу.— Я на седьмом небе,— и повернулся к ждущим его людям, смеясь, улыбаясь, без труда удерживая их рядом с собой.

Майерс смотрел ему вслед, недоумевая, Дженсен — со страхом.

Перевел с английского Виктор ВЕБЕР
Рисунок А. ГРОШЕВА

ГРЯЗНАЯ КУХНЯ — это, конечно, ничто по сравнению с концом света, но, откровенно говоря, очень уж неприятно ходить в гости к людям, которые никогда не подметают пол и подают чай в плохо вымытых чашках. Это отличный шанс потерять друзей. Но столь же удачным способом растерять друзей может стать одержимость чистотой (не говоря уж о тех, кто заставляет снимать ботинки в передней, что вообще невежливо). Как отмечают американские психологи, «одержимые чистотой, как правило, «вымывают» комплекс вины, которую они испытывают из-за каких-то своих мыслей или поступков», отсюда — стремление по три часа стоять под душем, в пятый раз драить плиту и раковины, укладывать предметы исключительно на предназначенное место и обижаться на тех, кто эти предметы кладет «не туда» и т. п. Чрезмерная аккуратность может быть признаком депрессии, поэтому попытайтесь проанализировать сами, что заставляет вас совершать бессмысленные действия по «наведению чистоты». А окружающим не стоит злиться на чистюль: напротив — постарайтесь быть с ними поласковее, попробуйте подарить им немного радости. Тогда, может, они будут менее озабочены «очистительной» страстью...

Плотно прилегающие юбки и блузки не скрывают полноты, а подчеркивают ее

Если вы невысокого роста — носите одноцветные брюки и куртки

Ноги недлинные, но хорошей формы — тогда "мини" для вас

Чтобы скрыть широкие бедра — юбки, расширенные книзу и не очень длинные

Колени — если вы не очень-то уверены в их красоте — лучше прикрыть

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

И СНОВА — ПРОЩАЙ, «БИКИНИ»! Мы уже писали о том, что чересчур открытые купальники выходят из моды. Судя по моделям, которые предлагают на этот летний сезон английские модельеры, прошлогодние купальники вообще стоит положить в чемодан — для будущих дочек, когда мода совершит полный оборот. А поскольку ждать от нашей промышленности и даже от кооперативов модных купальников в этом году вряд ли стоит — поройтесь в мамином чемодане.

И НАПОСЛЕДОК — рецепт настоящего французского лукового супа. На 4 порции требуются: 4 большие луковицы, нарезанные на тонкие дольки; 4 столовые ложки сливочного масла; 2 столовые ложки муки; 1 литр мясного бульона; $^1/_2$ чайной ложки соли; $^1/_4$ чайной ложки перца; $^1/_2$ стакана сухого белого вина; 8 кусочков белого хлеба (тонких); 8 ломтиков твердого сыра. Обжарить в масле лук в глубоком сотейнике, часто помешивая, пока не подрумянится. Всыпать муку, тушить 1 минуту. Добавить бульон, вино, соль и перец. Довести до кипения, уменьшить пламя и варить 30 минут. Затем разогреть духовку, вылить суп в четыре огнеупорные миски, положить сверху по два кусочка поджаренного белого хлеба и по два кусочка сыра, чтобы создать сырную «крышку» для миски.

Если вы стесняетесь высокого роста — никогда не носите брюки и блузки одного цвета

А это для тех, кто хотел бы зрительно увеличить объем груди

Для тех, у кого не слишком тонкая талия

МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ «ТИН» не просто предлагает эти модели, чтобы показать, как следует одеваться этим летом, а чтобы подсказать, как следует одеваться, если у тебя не слишком уж идеальная фигура. А идеальные фигуры и в Америке, между прочим, не так уж часто встречаются...

ЧТО ДЕЛАТЬ С ДЛИННЫМИ ВОЛОСАМИ! Да вот что. Однако длинные волосы — не повод для того, чтобы они росли «как попало». Чтобы соответствующим образом уложить их, следует все же вначале сходить к парикмахеру, потому что длинные волосы тоже нуждаются в красивой стрижке.

НО ЕСЛИ ВЫ ВСЕРЬЕЗ РЕШИЛИ ИМЕТЬ ХОРОШУЮ ФИГУРУ, без упражнений все же не обойтись. Однако надо выбрать тот тип физической активности, который наиболее соответствует вашему характеру.

Если вы стремитесь к достижениям — следует выбрать тот вид спорта, в котором возможно соревнование: плавание, бег (но в группе бегунов), зимой — лыжи.

Если вы «творческая личность» (т. е. принципиально неспортивны и ненавидите дискомузыку), то аэробика не для вас. Занимайтесь дома, в одиночестве, выбрав наиболее подходящий вид упражнений.

Если вы человек робкий и нерешительный — тогда все же лучше записаться в секцию аэробики. Уверяем вас: все остальные в этой секции тоже мало похожи на тех прекрасных дев, которые ведут курс по телевидению. А занятия в группе таких же, как вы, поможет вам устранить нежелательные комплексы.

Если же вы, напротив, стремитесь к общению, то лучшего способа завести новых друзей, чем занятия в танцклассе «акробатическим рок-н-роллом», не найти.

КТО ОНИ?

Мишель ПЕЙРО,
французский журналист

Социологам еще предстоит исследовать это явление. Мы же пока для себя отметим: кумиры западной молодежи, в числе которых не так уж много эстрадных звезд, что тоже, видимо, не случайно — сегодня стремительно помолодели.

Каждый день, около шести часов утра, Луи Вильде, владелец фирмы ЛВИ, выезжает из Парижа на свои предприятия. Возвратившись уже ночью в свою квартиру в XVII округе, он продолжает работу, просиживая за компьютерами до часа ночи. По крайней мере два раза в неделю он вообще не спит. Фирма ЛВИ, специализирующаяся на разработках в области искусственного интеллекта, получит в этом году прибыль в 3,5 миллиона франков. Луи Вильде, ее президенту, генеральному директору,— двадцать лет.

Каждый день, с тех пор как ему исполнилось четыре года, Жоэль Лотье склоняется над шестьюдесятью четырьмя клетками шахматной доски с тридцатью двумя самшитовыми фигурами. Десятого сентября 1988 года в Австралии он достиг своей первой цели. Через восемь лет после Каспарова, победившего в 1980 году, Жоэль Лотье стал, на глазах у ошеломленной советской команды, чемпионом мира по шахматам среди юниоров. Ему — пятнадцать. В этом году юный паж, ставший королем, будет уже профессиональным шахматистом, имеющим спонсоров и проводящим демонстрационные партии, сто́ящие десять тысяч франков каждая...

Каждый день Ванесса Паради, которой в декабре исполнилось шестнадцать, выходит около 15.30 из своего лицея в Фонтенэ-сюр-Буа, чтобы заняться, в зависимости от обстоятельств, записью песни, съемками на телевидении, гала-концертом или уроками, как и положено делать ученице выпускного класса. После полутора лет карьеры ее «состояние» оценивается по крайней мере в 5 миллионов франков.

Молодой бизнесмен, профессиональный шахматист, певица, эти гибридные существа, в которых смешивается пыл юности и осторожность старых аллигаторов, все они — мутанты. Двадцатилетние, иногда и моложе — в Англии таких называют «тинэйджерами»,— они играют в игры гигантов. Их ранний успех потребовал от них неординарной воли — взамен им досталась зрелость семидесятилетних. Они достигли вершин в том возрасте, когда другие лишь начинают задаваться вопросами о будущей карьере; но разговоры об успехе кажутся им устарелыми: слова «проигравший», «победитель» смущают их,

и попытки некоторых людей предложить им свое покровительство вызывают лишь чувство снисхождения. В отличие от старших они не хвастаются тем, что работают выше своих возможностей,— они просто делают дело. При этом единственное, чего они боятся,— это синдрома Борга. Да, шведа Борга, чемпиона-теннисиста, молодого вундеркинда, который никогда не улыбался и не думал ни о чем, кроме своей прибыльной страсти. И бесславно сошел с подиума в двадцать шесть лет.

Жоэль Лотье, как только он стал чемпионом среди юниоров, тут же со спокойствием змеи наметил вызвать на поединок самого Каспарова и стать чемпионом мира среди взрослых до того, как ему исполнится двадцать пять. Было бы, однако, ошибкой увидеть здесь какое-либо бахвальство. Этим мастерам своего дела нет необходимости казаться значительнее, чем они есть, что часто и превращает мальчишек, слишком быстро вознесшихся на гребне славы, в маленьких наглецов.

Легенда о вундеркиндах их раздражает. Вот, например, Элен Гримо, в восемнадцать лет — признанная пианистка, в которую влюбилась вся Япония. Но если кто-то осмеливается сказать, что «друзьями» ее детства были Шуман и Лист, она сразу же восстает: «Я начала заниматься фортепиано в восемь с половиной лет, когда это уже поздно, и, кроме того, я это сделала, чтобы лучше готовить скрипичные этюды!» Вундеркинды, если помните, как правило, рассказывают в долгих интервью давно известные истории о подаренной кем-то теннисной ракетке, о папе — любителе шахмат или о дяде-музыканте...

Словом, обыкновенные подростки, которые, родившись в первые годы кризиса, слишком рано были выброшены в мир, где царствует соперничество. Когда они были детьми, понятие конкуренции было для них так же естественно, как и первый плюшевый медвежонок. Учебу в школе они, кстати, тоже воспринимают как нечто вроде гонки с препятствиями.

Впрочем, ценя соревнование, эти юные кумиры юных проповедуют прежде всего честную игру. Неистовый индивидуализм начала восьмидесятых, неразборчивость в средствах ужасают их. Им отвратителен стиль «ура, вперед!», готовность на все ради успеха. Может быть, именно ранний успех способствует восстановлению забытых моральных ценностей? И первая из них — искренность, и ее следствие — привычка говорить правду в глаза.

Дело в том, что все они убеждены, что удачной карьерой они обязаны только тому, что сумели в любых ситуациях быть только собой. Элен Гримо, виртуозная пианистка, играющая Шопена и Рахманинова, влюблена, не заботясь о возможных насмешках, в рокера Стинга. Так, каждый в своем собственном ритме, они сосредоточенно изобретают коктейль жизненной удачи: на два пальца трудолюбия и на один палец того, что нам кажется способностями. Или наоборот. «Я не думаю о том, как подать себя, какой образ выбрать,— говорит Ванесса Паради.— Я поступаю так, как я чувствую, и все».

Всех их объединяет еще одно: они испытывают аллергию к иллюзиям, считая их синонимом лжи. Далекие от шестидесятых годов, хотевших перевернуть мир, от семидесятых «без будущего», виртуозы конца восьмидесятых хотят стоять на своих ногах уже сегодня. «Меня сегодня занимает не моя карьера,— говорит Элен Гримо.— Скорее я думаю о том, способна ли я прогрессировать?» А Ванесса Паради констатирует: «Если это должно остановиться, оно остановится. Но я буду очень несчастной». «Меня не интересует планирование карьеры на сорок лет вперед,— говорил мне Луи Вильде.— Я получил математическое образование, я окончил инженерную школу в Париже, но я научился бо́льшему за один год, когда я управлял своей фирмой, чем за все время учебы. Конечно, я не знаю, что случится завтра. Я не могу от этого спрятаться. Но завтра — это другой день, и я каждое утро просыпаюсь счастливым».

Подольше продержаться. Это самое сокровенное их желание, а иногда — и навязчивая идея. Но чтобы продержаться, они рассчитывают только на себя. Как заключил отец Ванессы Паради: «Это — поколение, у которого мало иллюзий относительно рода человеческого».

Перевел с французского
Д. ШЕМОНАЕВ

ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ НА СКОРОСТНОМ ШОССЕ

Олег ЛЕСНИЧИЙ

В салуне было душно. Посетители подремывали, кто-то от скуки глазел на хозяйку — она упорно гоняла ос, которые тут же вновь усаживались на пирожные. Стояла сонная тишина. И вдруг вдали раздался низкий, густой рокот моторов. Рокот перешел в странное урчание, которое замерло у само́го входа в кабачок. Двери распахнулись, вошли двое верзил в потертых джинсах, черных кожаных куртках, с длинными спутанными волосами и бородами. Не говоря ни слова, они двинулись к стойке, взяли по пирожному и вышли не заплатив. У обочины дороги были припаркованы два огромных мотоцикла. Проглотив пирожные, верзилы вскочили на мотоциклы и скрылись из виду.

Такая сцена вполне привычна для жителей городка Прешо, расположенного вдоль автострады № 90. Эта автострада пересекает весь Средний Запад США, и каждое лето на этой автостраде появляются загадочные большие мотоциклы.

Имя этим мотоциклам — «Харли

Дэвидсон», но еще их кличут «роллс-ройс на двух колесах», «стальной слон» — каждый из американских рокеров дает собственное наименование своему нежному другу.

Американская фирма, выпускающая этих мастодонтов, известна, пожалуй, во всем мире. Ее основные заводы находятся в городе Милуоки, штат Висконсин, а также в городке Стерджис, расположенном в штате Южная Дакота в 200 милях западнее Милуоки. Вот уже 85 лет популярная фирма ежегодно отмечает свой день рождения, и вот уже двадцать с лишним лет на это празднество съезжаются тысячи рокеров со всех уголков Соединенных Штатов.

Мотоцикл «Харли Дэвидсон» стал «модным» еще в начале 50-х, а после 1969 года, когда на экраны вышел фильм режиссера Денниса Хоппера «Беспечный ездок», «Харли Дэвидсон» превратился для многих молодых людей в символ свободного, независимого образа жизни, альтернативного существования, отрицающего официальные ценности американского общества.

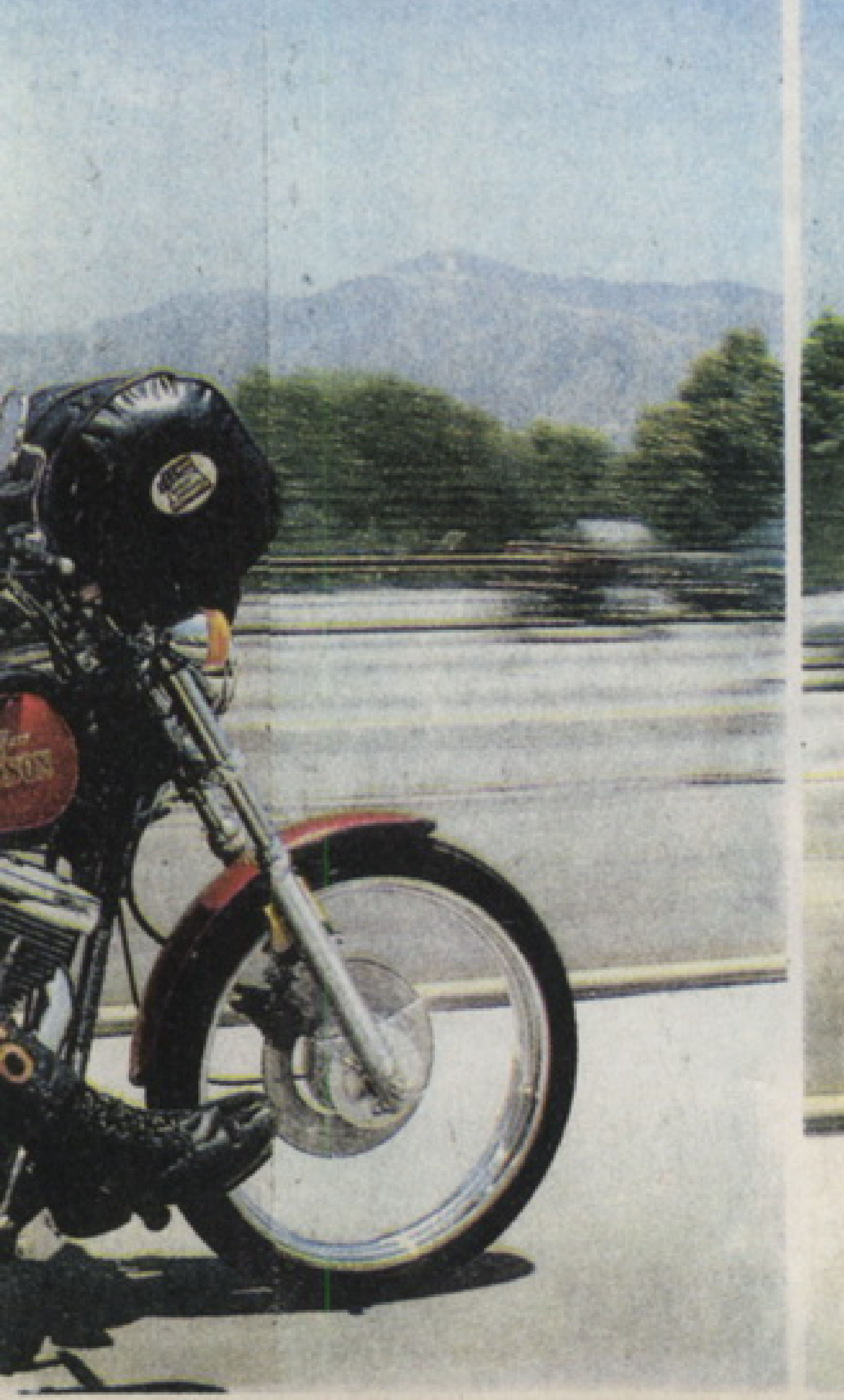
Многим поклонникам культа «Харли Дэвидсон» сегодня уже под пятьдесят, но они все так же бодро рассекают горячий воздух американских западных штатов. Как правило, это остепенившиеся отцы семейств, которые уже давно имеют и собственный дом с плавательным бассейном, и гараж с новенькой машиной, но которые не прочь раз в год «тряхнуть стариной» и продемонстрировать всему миру, что есть, мол, порох в пороховнице, что молодой задор в них еще не исчез. И вот они сбрасывают дорогой костюм, усаживаются в седло родимого и мчат в Южную Дакоту. «Настоящие рокеры», также уже изрядно постаревшие, считают таких «рокеров на час» пижонами и относятся к ним со снисходительным презрением.

«Настоящих рокеров» сегодня осталось немного. Вот история одного из них, по имени Тодд Ростер. Тодд родился в небольшом городке и в 20 лет решил, что не собирается провести лучшие годы своей жизни в этом захолустье. От скуки он добровольцем пошел воевать во Вьетнам, пули его миновали, но душа была искалечена изрядно. Вести нормальный, «оседлый» образ жизни он уже не мог и поэтому решил стать рокером. Денег не было, зато была винтовка М-16, украденная еще во Вьетнаме, ее он обменял на «Харли Дэвидсон» образца 1942 года. С тех пор «Харли» — единственный друг и защитник Тодда Ростера. Он знает каждый его винтик, он слушает мотор, как музыку, он умеет определить любую необычную интонацию в его шуме. На баке мотоцикла красуются надписи: «Ветеран Вьетнама» и «Неудачник с рождения». На груди Тодда — татуировка «В память о Толстом Бобе» — так звали его собаку. Толстый Боб жил в сумке на заднем сиденье. Однажды он убежал охотиться на кроликов и больше не вернулся...

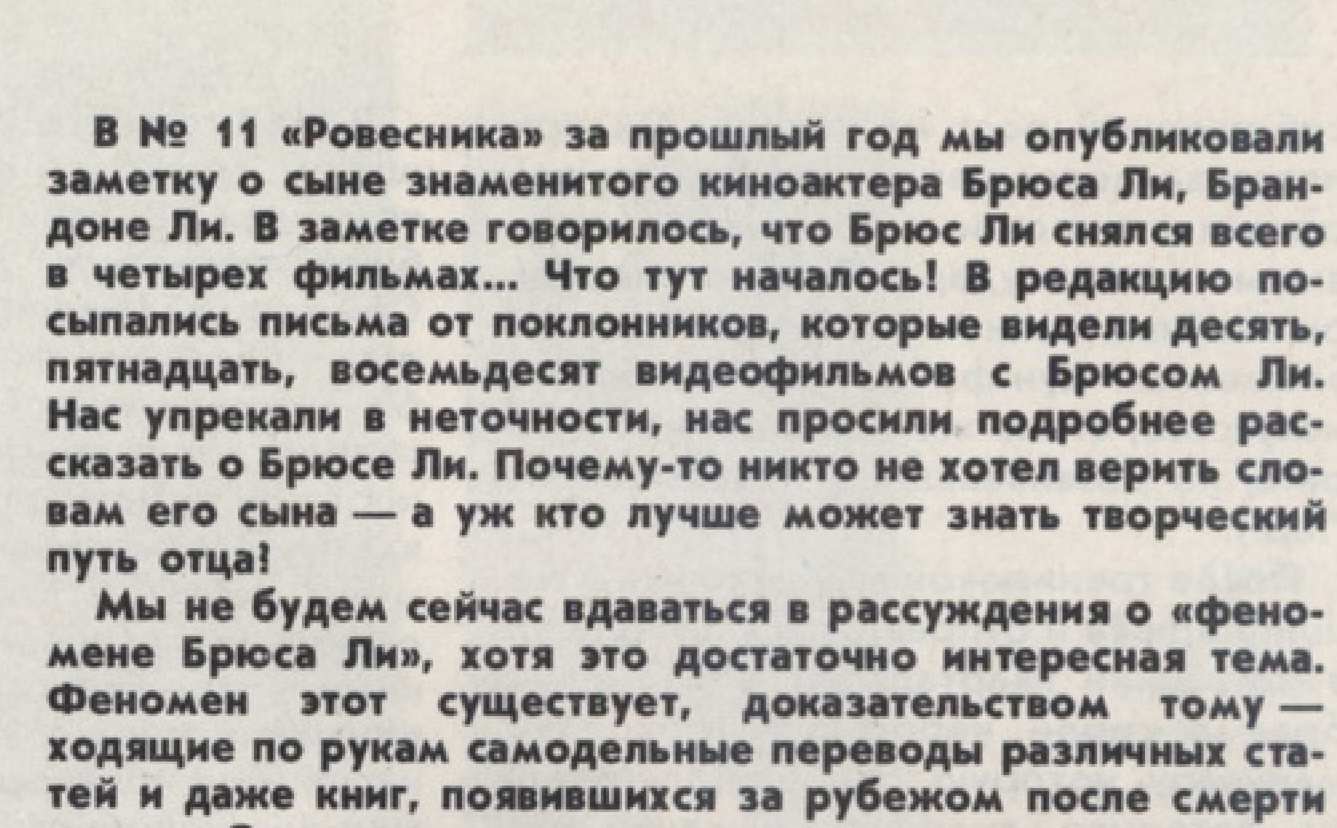
Тодд колесит по дорогам США с востока на запад, с запада на восток, летом отправляется в Канаду или на Аляску — эдакий романтический бродяга, перебивающийся случайными заработками. Однако и сам Тодд понимает, что «Харли» дает ему лишь иллюзию свободы: «Если рассматривать мотоцикл как символ внутренней свободы, то в той же мере можно было бы считать себя свободным, заимев просто кучу железок».

Да и какая может быть «свобода» — фермеры, у которых только и можно подработать, с неохотой нанимают «крутых парней» с большой дороги — они пользуются недоброй, и зачастую справедливо недоброй, славой (то сопрут что-то, то просто отнимут). Полиция их тоже не жалует, стараясь спихнуть на рокеров вину за разные дорожные происшествия. Да и внутри самого «клана» свободы тоже негусто — «настоящие рокеры», словно постаревшие, но так и не ставшие взрослыми подростки, придерживаются своих ритуалов, своих, строго консервативных взглядов, отречение от которых грозит чуть ли не остракизмом. «Настоящие рокеры», продолжая свое челночное мотание в пространстве, застыли в определенном времени, в определенных настроениях — все современные взгляды им чужды, да они и знать-то о них ничего не хотят. Не дай господь пить пиво «не той» марки, не дай господь любить «не ту» музыку, не дай господь хоть что-то читать; и подружек тоже следует выбирать из своей среды — хоть на этих подружек и смотреть-то уже противно... Хочешь «осесть» — предатель, хочешь завести детей — предатель, надоело, поигрывая затянутыми жирком мускулами, изображать из себя «настоящего мужчину» — предатель и так далее. Такой вот «дом на колесах», ставший передвижной тюрьмой.

Поняв, во что выливается это движение почитателей «Харли Дэвидсон», режиссер Деннис Хоппер, снявший когда-то фильм «Беспечный ездок», придумал своего рода футуристическое продолжение картины. В нем два седых старика движутся на инвалидных колясках по автостраде, ведущей в штат Флорида, считающийся у американцев раем для пенсионеров...

В № 11 «Ровесника» за прошлый год мы опубликовали заметку о сыне знаменитого киноактера Брюса Ли, Брандоне Ли. В заметке говорилось, что Брюс Ли снялся всего в четырех фильмах... Что тут началось! В редакцию посыпались письма от поклонников, которые видели десять, пятнадцать, восемьдесят видеофильмов с Брюсом Ли. Нас упрекали в неточности, нас просили подробнее рассказать о Брюсе Ли. Почему-то никто не хотел верить словам его сына — а уж кто лучше может знать творческий путь отца!

Мы не будем сейчас вдаваться в рассуждения о «феномене Брюса Ли», хотя это достаточно интересная тема. Феномен этот существует, доказательством тому — ходящие по рукам самодельные переводы различных статей и даже книг, появившихся за рубежом после смерти актера. Зачастую в них содержатся самые невероятные легенды и домыслы, однако мы сочли уместным в ответ на ваши просьбы рассказать о Брюсе Ли, опубликовав отрывок из книги его друга, также известного спортсмена и актера Чака Норриса. Уж если вы и ему не поверите... Кстати, о количестве фильмов: Брюс Ли действительно снялся в главной роли лишь в четырех кинофильмах, однако он снимался в телесериалах, и некоторые считают бродящие по видеоэкранам отдельные серии отдельными фильмами. К тому же после его смерти были смонтированы фильмы из не вошедшего в его прижизненные работы киноматериала.

Чак НОРРИС,
американский киноактер

ПУТЬ ДРАКОНА

Я выиграл этот чемпионат. За одиннадцать часов я провел тринадцать боев и все завершил досрочно, чистой победой. После этого моим единственным желанием было рухнуть в постель, но когда я выходил из зала, ко мне подошел Брюс Ли. Я знал о нем, но мы никогда не встречались. Пару лет назад я был на его потрясающих показательных выступлениях, кроме того, видел некоторые его работы в телесериале «Зеленый шершень».

Оказалось, что мы живем в одном отеле. На обратном пути мы разговаривали о боевых искусствах (под боевыми искусствами на Востоке — а теперь уже и на Западе — понимают боевые виды спорта, такие, как каратэ, айкидо, джиу-джитсу, кемпо, дзюдо и пр.—*Пер.*), о философских концепциях, лежащих в их основе. Мы настолько увлеклись беседой, что не заметили, как попали на этаж Брюса.

Я посмотрел на часы: без пятнадцати минут двенадцать. Но нам было так интересно, что мы побросали свои вещи прямо в холле и перешли к наглядной демонстрации своих представлений о технике и стратегии боя. Когда я в следующий раз взглянул на часы, было семь утра. Мы работали семь часов без перерыва! Брюс оказался таким динамичным и виртуозным бойцом, что эти часы пролетели для меня как двадцать минут. Это была моя первая встреча с Брюсом Ли.

Мы подружились и стали устраивать совместные тренировки в саду его дома в Калвер-сити, Калифорния. У Брюса было все необходимое оборудование — мук-джунг (специальный тренажер, выполненный в виде манекена.— *Пер.*), макивара (приспособление для отработки точности и силы ударов.— *Пер.*), а также всевозможные боксерские «груши» и подвесные снаряды. Мы тренировались раз или два в неделю по три-четыре часа. Брюс оказался весьма искусным каратэкой и самым выносливым бойцом из всех, с которыми мне когда-либо приходилось сталкиваться.

В те времена, видимо, из-за увлечения винг-чун (китайский бокс.— *Пер.*), которым он занимался в Гонконге перед переездом в Америку, Брюс не придавал особого значения высоким ударам. Во всех спаррингах он никогда не поднимал удары выше уровня пояса. В конце концов мне удалось убедить его, что разносторонне подготовленный каратэка должен уметь наносить удары в любую точку, вплоть до уровня, превышающего

собственный рост на голову. Он принялся за дело: через полгода он уже освоил эти мощные, точные и неуловимые глазом удары. В свою очередь, он научил меня очень интересным элементам кун-фу (китайское боевое искусство, столь же древнее, как и каратэ, но развивавшееся независимо.— *Пер.*).

После тренировок мы садились в машину Брюса и отправлялись завтракать в китайский квартал. Ли обязательно брал с собой небольшую походную макивару, которую клал на колени или на соседнее сиденье; каждый раз, когда мы попадали в «пробку» или останавливались на светофоре, он обрабатывал макивару кентусами или шуто (точка на наружной поверхности кисти недалеко от запястья, которой наносится «рубящий» удар.— *Пер.*), поддерживая их в «рабочем состоянии».

Брюс очень любил дим-сум — китайский завтрак из набора рыбных блюд с рисом, бамбуком и грибами, он очень ловко управлялся палочками: например, мог подбросить щепотку риса и поймать, не уронив ни одного зернышка. За завтраком мы снова и снова говорили о нашем деле. Брюс Ли жил спортом, точнее даже — жил ради него. Помню, как однажды заехал к нему вечером. Брюс лежал на ковре перед телевизором, а его сын Брандон устроился на животе отца. К ногам Брюса были привязаны диски от штанги, в руках он держал гантели. Подкидывая Брандона на животе, он одновременно совершал резкие вдохи и выдохи и поднимал и опускал ноги и руки, не забывая поглядывать на экран. Меня поразили не столько сами эти необычайно сложные упражнения, сколько способность Брюса превращать все, даже игру с сыном, в тренировку. Подозреваю, что, если бы жена попросила вытереть посуду, Брюс стал бы подбрасывать тарелки в воздух, совершенствуя координацию движений.

Его самой большой проблемой — и, я полагаю, величайшей слабостью — было то, что он не знал, как переключать «двигатель» на холостые обороты. Он так и не научился расслабляться, ему не было дано искусство легкого отношения к неизбежным в жизни каждого проблемам. Им управляла одна только страсть, но она была испепеляющей.

Мы стали настоящими друзьями, и Брюс поделился со мной своей мечтой: больше всего на свете он хотел стать самым знаменитым актером-каратэкой в мире. Поэтому все, что он делал, было направлено на достижение этой цели. Он уже был известен как один из лучших постановщиков кинотрюков, давал частные уроки звездам американского кино, таким, как Джеймс Коуберн, Стив Маккуин и Стерлинг Силлифант. Ученики были большими поклонниками искусства Ли и охотно ему помогали, рекомендовали для тех или иных фильмов.

В 1968 году его утвердили постановщиком трюков в фильме «Аварийная команда». В главных ролях должны были сниматься Дин Мартин, Элка Соммер и Шарон Тейт. «В фильме есть небольшая роль, как раз для тебя,— сказал мне Брюс.— Ты можешь сыграть телохранителя Соммер и даже произнести одну фразу. Ну как, устраивает?» Эта маленькая роль оказалась моим дебютом в кино, но он прошел отнюдь не гладко: как раз перед съемками я должен был отстаивать титул чемпиона мира среди полупрофессионалов (под полупрофессионалами фактически понимаются любители, то есть каратэки, не прошедшие многолетней подготовки по одной из систем, практиковавшихся в буддийских монастырях Китая, Кореи и Японии и дошедших до наших дней в неизменном виде; Брюс Ли также принадлежал к категории полупрофессионалов.— *Пер.*), и я его выиграл, но какой ценой! На съемочной площадке я появился с таким громадным синяком, игравшим всеми цветами радуги, что видавшие виды гримеры чуть не рухнули в обморок. В конце концов меня привели в порядок, но свою единственную фразу я произносил настолько плохо, что эпизод уже хотели выбросить из фильма, а Брюс устал грозить мне кулаком из-за софита. Наконец я справился с текстом, а «Аварийная команда» оказалась не самым плохим фильмом 1968 года.

В 1970 году Брюс Ли решил вернуться в Гонконг: «Вначале я стану кинозвездой там, причем кинозвездой такого класса, что Голливуд не сможет обойтись без меня...»

Брюс вновь ворвался в мою жизнь летом 1972 года. Он позвонил из Гонконга и сказал, что два фильма, которые он снял, произвели в местной прессе фурор и их прокат в Америке — дело решенное. Он хотел, чтобы я снялся в его следующей картине, «Возвращение дракона», режиссером и исполнителем главной роли в которой также будет сам Брюс. «Я хочу снять сцену нашего с тобой поединка в римском Колизее,— говорил он,— мы сами сделаем режиссуру боя, и, знаешь, я уверен, что наша схватка станет кульминацией фильма».

Предложение было весьма кстати: у меня возникли некоторые семейные проблемы, и Брюс давал мне возможность оторваться от Калифорнии и подумать над своей жизнью. Кроме того, я был уверен, что участие в его фильме — пусть даже гонконгского производства — станет рекламой, которая привлечет еще больше учеников в мою школу. Но я никак не мог предполагать, что это будет началом моей новой карьеры.

Мой друг, ученик и партнер Боб Уолл тоже получил небольшую роль и вылетел со мной в Рим. Когда наш самолет приземлился в аэропорту, Брюс и его киношная команда ждали у трапа, снимая наш выход — Ли планировал вставить эти кадры в фильм.

Брюс хотел, чтобы для сцены в Колизее я выглядел как можно внушительнее. В то время я весил 73 килограмма (Брюс — 65), и он попросил меня набрать еще как минимум девять. Так я начал планомерно обжираться за счет кинокомпании.

Первые две недели мы с Бобом провели как обыкновенные туристы: глазели на достопримечательности, мотались между Ватиканом и фонтаном Треви, бродили по катакомбам и паркам. В промежутках между посещениями всех этих славных мест Боб тащил меня в ресторан, где я, как питон, заглатывал самую жирную пищу, приправляя праздник чревоугодия гигантскими порциями итальянского мороженого, откровенно говоря, самого вкусного мороженого в мире.

Когда я стал достаточно кошмарным, Брюс потащил меня в Колизей «пощупать натуру». Я стоял рядом с Брюсом в туннеле, ведущем на арену, и испытывал странные чувства, в голове проносились отрывки из фильма «Спартак» с Керком Дугласом и т. п. Меня поразила мысль, что не так давно — в масштабах человеческой истории, конечно,— из этого туннеля на арену выходили гладиаторы и вступали в смертельную схватку, а вокруг шумела толпа. Съемки этого эпизода, который должен был стать центральным, заняли три дня. Работать с Брюсом было трудно, но эта работа доставляла настоящее удовольствие. Несмотря на то, что он был новичком в кинорежиссуре, Брюс точно знал, чего он хочет, как должна перемещаться камера, какой ракурс следует выбрать оператору. В картине я играл злодея, но, к счастью, Брюс не превратил меня в законченного негодяя: когда его герой убил меня, Брюс набросил на поверженного собственное кимоно и пояс и склонился в ритуальном поклоне, выражая почтение и уважение к погибшему противнику. Съемки «Возвращения дракона» обошлись всего в 240 тысяч долларов, а его прокат принес доход более 80 миллионов долларов, и наш бой действительно стал классикой кинематографического каратэ, как и предсказывал Ли.

После съемок в Риме Брюс, Боб Уолл и я отправились в Гонконг доснимать оставшиеся эпизоды. Там Брюс организовал наше участие в популярной телепрограмме. Нам задавали вопросы о фильме, потом предложили показать «что-нибудь из каратэ». Я попросил Боба встать на стул и в прыжке выбил ногой у него изо рта сигарету. Потом мы провели с ним небольшой спарринг, в котором постарались продемонстрировать нашу манеру боя.

На следующий день в местной газете появилось объявление, в котором неизвестный вызывал меня на поединок. Сообщение обнаружил Брюс — я-то не знал китайского. «Не обращай внимания,— смеялся он,— меня постоянно донимают подобными вызовами. Не думай, что кто-то и в самом деле

хочет сразиться с тобой, этому парню просто нужна реклама». Но Боб ужасно расстроился. «В фильме у меня такая крохотная роль, что я сам не могу отыскать себя на экране — может быть, я могу принять этот вызов?» — жалобно попросил он Брюса. «Как хочешь»,— засмеялся Брюс и организовал Бобу встречу с гонконгскими любителями. Боб поднялся на сцену и грозно произнес: «Мой сенсей Чак Норрис получил от одного из вас вызов на поединок. Конечно же, Чак гораздо более опытный и умелый каратэка, чем я, поэтому вначале тому, кто бросил вызов, придется сразиться со мной, чтобы я оценил его мастерство, а также достоин ли он выйти на татами с самим Чаком Норрисом. Наш поединок будет транслироваться на весь Гонконг, а состоится он прямо сейчас, но, предупреждаю, кто бы ни был тот, кто послал вызов, я намерен убить его здесь,— Боб грохнул пяткой об пол,— на этом самом месте».

Конечно же, никто на сцену не поднялся, и больше в Гонконге меня ни разу не вызывали на бой...

Брюс вновь появился в Лос-Анджелесе в середине июля 1973 года. «Я всего лишь на один день,— сказал он по телефону,— может быть, позавтракаем вместе?» Я был очень рад снова слышать его голос и, признаться, испытывал жуткое любопытство: что же привело его в Америку?

Мы встретились в китайском квартале, в любимом ресторанчике Брюса. За традиционным дим-сум Брюс рассказал, что во время очередных съемок в Гонконге он несколько раз почему-то терял сознание. Тамошние врачи не смогли дать ему удовлетворительного объяснения, поэтому он решил показаться солидному врачу и пройти полное обследование. А этим утром он узнал результаты проверки.

«Можешь меня поздравить,— заявил он гордо,— врач сказал, что у меня организм восемнадцатилетнего».

«А что же было причиной обмороков?»

«Врач не знает. Наверное, перенапряжение и эти чертовы стрессы».

Брюс принялся рассказывать об успешном прокате своих фильмов, о только что закончившихся съемках новой ленты «Появление дракона», о том, что ему предлагают сотрудничество Карло Понти и другие известнейшие кинопродюсеры, что фирма «Уорнер бразерз» сулит невиданный контракт. «Они предлагают мне незаполненные чеки,— возбужденно говорил Брюс,— представляешь, я могу проставить любую сумму, какую захочу, если, конечно же, решусь на этот контракт!»

Брюс радостно засмеялся и подбросил в воздух кусочек утиного крылышка, крылышко сделало несколько сальто и опустилось точно между палочек Брюса.

Он предвкушал будущее, был уверен, что еще чуть-чуть, и станет суперзвездой: «Подожди еще немного, и ты увидишь первую китайскую кинозвезду, вышедшую на международную орбиту!»

Я знал, какие препятствия ему пришлось преодолеть, как настойчиво и упорно он шел к своей цели, и был рад за него...

Брюс вернулся в Гонконг. Спустя четыре дня, 20 июля 1973 года, мне позвонил мой гонконгский друг и сказал, что Брюс умер при таинственных обстоятельствах, которые сейчас расследуются.

Позже я прочитал, что следователь вынес следующий вердикт: «Смерть в результате несчастного случая». Тотчас же поползли слухи, что официальное заключение — подлог. Наибольшей популярностью пользовалась версия, что Брюс получил «замедленный смертельный удар», который нанес какой-то старец, специалист по «монастырскому каратэ», нанятый кем-то из недоброжелателей...

Брюс умер в 32 года, он был в прекрасной физической форме, и поклонникам, которым Брюс Ли казался олицетворением какого-то мистического восточного Робин Гуда, хотелось чего-то романтического — если это слово вообще здесь уместно. Власти Гонконга настояли на вскрытии. Один лишь этот факт вызвал шквал сенсационных предположений, у каждого журналиста была собственная точка зрения — одни склоняли общественное мнение к версии о таинственном носителе страшного древнего искусства «замедленного удара», другие навязывали идею отравления, кое-кто говорил о злоупотреблении наркотиками.

Расследование заняло еще девять дней, и окончательным результатом его было подтверждение предыдущего вердикта: «Смерть в результате несчастного случая». Причина смерти: отек мозга, вызванный аллергической реакцией на вещество, случайно попавшее в организм. Некоторые люди могут стать жертвами пенициллина, у других подобная реакция возникает на пчелиный укус. В случае с Брюсом было выяснено, что его организм отреагировал на вещество, входящее в состав таблеток от головной боли.

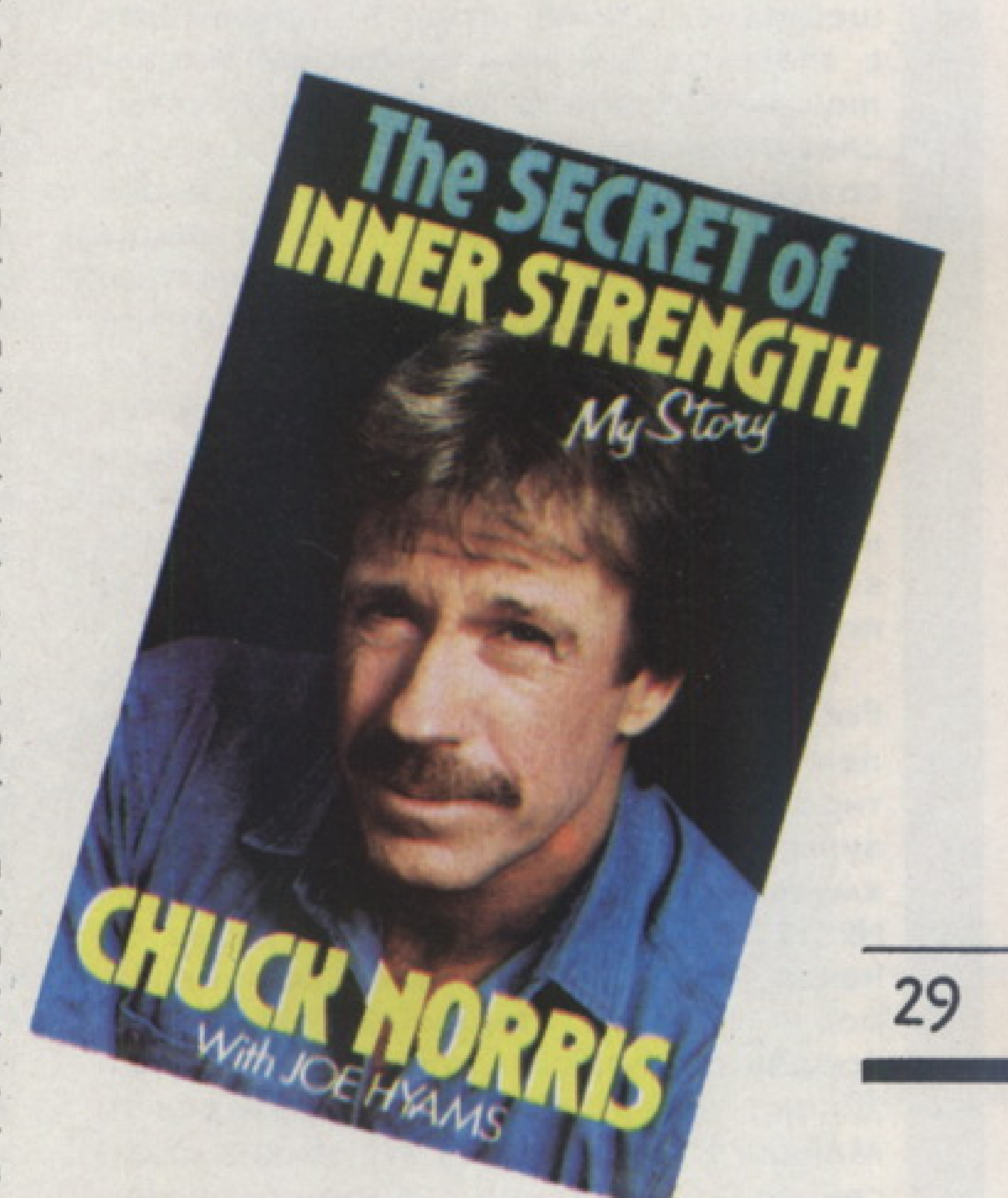
Брюс всегда шел к своей цели напролом, преодолевая все, в том числе и физические муки, и никогда не позволял себе расслабляться — вероятно, это вызвало сильнейшие головные боли, из-за которых он и начал принимать лекарства.

Более двадцати тысяч скорбящих поклонников этого великолепного актера собрались на церемонию отпевания в Гонконге. Похоронили же Брюса в Сиэтле, неподалеку от университета, где он учился, где познакомился с Линдой, своей будущей женой.

Мемориальная служба состоялась и в Сан-Франциско. Я был там вместе со Стивом Маккуином и Джеймсом Коуберном, бывшими учениками Брюса, его друзьями. Я вспоминал последний разговор с Брюсом и думал: догадывался ли он о своей участи? В последние годы он достиг почти всего, о чем мечтал: он стал знаменит как спортсмен и киноактер. Но ирония судьбы заключается в том, что он не успел насладиться триумфом, который был уготован его фильму «Появление дракона»: только после смерти Брюс стал легендой.

Сейчас в моей жизни есть все — слава, успех, деньги. Нет только одного и никогда уже не будет — моего друга Брюса Ли.

Перевел с английского
В. ЛИПАТОВ

— Мистер Иноу, вы буквально за руку вводили в музыкальный мир новых артистов, вы работали и с признанными мастерами, однако поговаривают, вы чуть ли не отошли от музыки?

— Дело в другом: я уже не так, как прежде, заинтересован в записи пластинок. В роке сложилась любопытная ситуация: на мой взгляд, сейчас вообще почти ничего нет, что могло бы существовать в виде записи — все мало-мальски интересное уже записано-перезаписано. Каких-то открытий именно в музыке я не вижу. Но появляются любопытные вещи в сценическом, театрализованном роке — как раз это сейчас делают русские. Слушать их музыку в записи вряд ли стоит, а вот смотреть на них интересно — их группы, чтобы компенсировать отсутствие музыкального материала, разыгрывают целые спектакли. Конечно, это довольно рискованное для меня предприятие, поскольку любители музыки предпочитают все же ее слушать, на концерте или в записи. Но я уже могу позволить себе маленький риск.

Ну, тут он скромничает — Брайан Иноу рисковал всегда. Впрочем, сам он называет это «экспериментами». В шестидесятых он играл и записывался с авангардным композитором Корнелиусом Кардью. В начале семидесятых славилась его группа «Рокси мюзик», создававшая фантастические музыкальные миры — эдакие танцы после конца света. В середине семидесятых, манипулируя со звуком и авангардной техникой, он открывал перед роком новые горизонты, и кульминацией тех его поисков стал альбом «Еще один зеленый мир» — альбом был одним из немногих, оказавших самое сильное влияние на развитие рок-музыки за последние 15 лет.

В дуэте со знаменитым гитаристом Робертом Фриппом, отцом-основателем «Кинг Кримзон», он экспериментировал с техникой звукозаписи, в результате чего родилась так называемая «музыка новой эры» (см. «Ровесник» № 11 за 1988 год.— Ред.). А далее он начал продвигать новых композиторов — в своей студии «Обскьюе рекордз» он записывал первые пластинки Джона Адамса, Гэвина Брайерса и Майкла Нимана, и все эти имена стали сейчас признанными в мире современной серьезной музыки. Затем он обратил свой слух к «новой волне» и был продюсером первых пластинок групп «Дивоу» и «Алтравокс», между делом поработал вместе с Дэвидом Боуи над записями трех его пластинок, а также участвовал в проектах знаменитого Дэвида Бирна и его группы «Токинг хэдз».

Собственные пластинки Иноу всегда привлекают поклонников авангардного рока, но, конечно, аудитория его не так уж велика. Скорее Иноу знаменит как некий «бродильный элемент», поставщик идей, которые двигают вперед музыку, хотя его собственная дискография тоже довольно внушительна (см. «РЭР» в № 11 за 1988 год.— Ред.).

— В своей жизни я не записал ни одной по-настоящему успешной пластинки,— мы говорим с Брайаном в офисе фирмы «Уорнер бразерз», в Калифорнии. «Уорнер бразерз» занимается распространением пластинок, которые Иноу записывает в своей новой студии «Оупл рекордз».— Да и вообще меня это как-то мало интересует — я не чувствую себя полностью поглощенным музыкальным миром. Я гораздо больше знаю о современной живописи, или архитектуре, или философии и скорее размышляю о теории эволюции, чем о том, что модно в роке. Обо всем этом я могу рассказать вам куда больше, чем о хит-параде.

— И все же давайте поговорим о музыке. Почему, как вы считаете, довольно известные, занимающие высокое положение в этих самых хит-парадах музыканты обращаются за помощью именно к вам? Например, «Ю-2», которые и до встречи с вами уже познали успех?

— Просто они ищут кого-то, кто помог бы им разомкнуть собственные пределы. Они чувствуют: да, есть что-то еще в нашей музыке, но мы сами не можем выйти за пределы себя, высвободить, сделать явным то, что пока скрыто. Художникам часто мешают их прежние находки, они становятся на пути их творчества. И тогда художник накапливает, накапливает уже найденное и превращается в памятник самому себе. А копнешь — ничего, кроме каких-то нескольких прежних находок, за этим нет. Так и можете передать вашим читателям: чтобы добиться успеха, достаточно одной-единственной свежей идеи, и потом ее можно эксплуатировать до конца жизни.

Но порой внутри такого монумента просыпается что-то — то ли совесть, то ли жажда настоящего творчества,— и это что-то говорит: «Теперь моя очередь!», но слабому голосу трудно пробиться сквозь монумент. И тогда должен прийти кто-то со стороны, прислушаться и сказать: «А в этом что-то есть, это действительно интересно», и высвободить новое, пробуравить толстые стены. Вот в этом и заключается моя работа, работа продюсера: найти живые семена, вскормить их и высадить в благодатную почву.

— Но, насколько мне известно, вы никогда не работаете с теми, чьим творчеством вы не увлечены по-настоящему.

— Если где-то появляется мое имя, я должен отвечать за ту пластинку, на которой оно появилось. Следовательно, я должен соблюдать определенный стандарт, держать марку. Я, конечно, мог бы работать как продюсер с кем угодно — там подчистить звук, там сделать аранжировку, глядишь, и верхнее место в хит-параде обеспечено. Но я этого не хочу. Мне это неинтересно. Руки должны быть чисты.

— Боюсь, что некоторые из работавших с вами музыкантов могут подумать, что к их пластинкам привлекает внимание репутация Брайана Иноу, а не их собственное творчество.

— Ну, это их проблемы. Но вообще-то бывает и так, что я нарочно воздерживаюсь от участия в чьих-то работах. Я говорю: нет, друзья, это уже не сотрудничество, это коллаборационизм. Не всегда такие заявления помогают.

— А что вы можете сказать о текстах песен?

— Знаете, когда говорят о тексте песни отдельно, меня это просто бесит. Песня — это целостное произведение. Никто ведь не рассуждает о содержании партии фортепиано или партии гитары с тем же апломбом, что и о содержании стихов! Для меня имеет смысл единство музыки и ритмики стиха. Правда, я все же терпеть не могу все эти глупости, что слышишь в каждой второй песне, типа «Детка, я хочу держать тебя в объятьях». Вот этого я уж изо всех сил стараюсь избегать. Но есть одна опасность — она содержится даже в вещах таких мастеров, как Боно из «Ю-2»: часто в песнях слишком явственно слышны настроения того дня, недели или месяца, в которые песня создавалась. Поэтому песни могут быть путеводителем по времени, но, как бы хороши они ни были, именно из-за такой точной привязки они не выживают.

— В одном вашем интервью я прочитал, что вы очень любите негритянскую духовную музыку — госпелз, но я никогда не слышал отголосков этой любви в вашей музыке.

— Госпелз — это эмоциональная музыка, я же, по своему характеру, стараюсь сдерживать эмоции. Но вот что потрясающе: эмоциональность госпелз не имеет ничего общего с твоими личными эмоциями, госпелз могут быть при этом очень земными, но в них нет ни капли пошлости, банальности, о каких бы земных и обычных вещах ни говорилось. Негритянские церкви — такие же центры общины, центры обмена информацией, какими когда-то были церкви в старых европейских городах. И в то же время в негритянских церквах особая, земная атмосфера. Под лестницей — игровая площадка для детей, потому что служба может длиться и шесть часов, или вдруг священник прерывает проповедь и говорит: «Братья, чья-то машина припаркована неправильно, надо отогнать» — или что-то в этом роде. Все это звучит очень нерелигиозно, и все же люди чувствуют потрясающую общность, и именно на духовном уровне.

— Следовательно, вам не хватает этого чувства общности?

— Я думаю, этого всем нам не хватает, не только мне. Вот этим мне и нравятся негритянские церкви: там индивидуальное уходит на второй план, и главенствует общее, объединяющее людей. Наша социальная система сделала людей чересчур индивидуалистичными, каждый ориентируется лишь

Идеи приходят с улицы

ДЖОН ДИЛИБЕРТО,
американский журналист

на собственное «я», и люди объединяются лишь в моменты сильных общих катастроф — во время землетрясений или войны. Для того чтобы чувствовать себя сопричастным в спокойные времена, нужен особый талант, а в музыке госпелз такой талант есть.

— А как насчет рок-концертов?

— Вот за это я рок-концерты и люблю: в них тоже есть это объединяющее людей чувство. Я был на концерте «Ю-2» в Риме — это было нечто фантастическое. 60 тысяч человек ощущали себя единым целым, они были взволнованы своим единством не менее, чем самой музыкой. Часто Боно умолкал, и тогда все 60 тысяч человек — заметьте, итальянцев, для которых английский язык чужой,— подхватывали его песню, и каждый чувствовал, что он — часть общего.

Кстати, мне кажется, что именно поэтому сегодняшний джаз уже не собирает таких аудиторий, как джаз прежний,— сегодня слишком многое в джазе отрепетировано, отработано на сознательном, а не эмоциональном уровне. Люди нуждаются в эмоциональном общении, поэтому мне и нравятся концерты поп-музыки. Можно подумать, что во мне говорит эдакий снобизм эстета-технократа, возжелавшего «слиться с массами». Но все-таки я полагаю, что мне нравится все это по-честному. Я действительно люблю публику, которая собирается на поп-концертах. В ней гораздо больше честности, гораздо больше вкуса, чем во всех журналистах, критиках, продюсерах и составителях программ. Обычные люди, публика, почти всегда куда более прогрессивны в своих вкусах, чем профессионалы. Это вообще интересный феномен во всех видах популярного искусства: здесь профессионалы стараются уловить вкус публики, а не вести публику за собой, как в высоком искусстве. И в рок-музыке идеи приходят с улицы, а не от одаренных профессионалов, но есть у такого уличного искусства одна опасность: тот, кто вышел с улицы, может превратиться в профессионала, от улицы оторванного. И в популярном искусстве очень важно удержаться на этой грани. Сам-то я не такой уж поборник поп-искусства, не считаю его мир таким уж расчудесным, но кое-что хорошее в нем есть. Это отсутствие снобизма и страха перед материалом.

— Вы говорили, что в современной музыке мало что стоит записывать на пластинки, однако именно вы оказали большое влияние на звукозапись как на форму искусства. Нет ли в этом противоречия? Ведь и ваша собственная музыка существует в форме пластинки.

— Я все время об этом думаю — о том, что я заключен, запечатан в проклятый виниловый диск. Когда-то пластинка была предметом культа, она волновала людей, в ней был заключен некий абсолютный смысл. Сейчас это волнение ушло. Слишком много пластинок. Слишком много музыки. Я недавно был в Германии, это ужасно: крутишь ручку приемника, и сорок или пятьдесят станций непрерывно передают музыку, одну и ту же музыку, упакованную в одни и те же пластинки, с одними и теми же техническими характеристиками.

Современная звукозапись — это что-то вроде голливудского фильма, где все доведено до совершенства: освещение, цвет, баланс звука, декорации и т. п., а жизни нет, сам фильм — чушь.

В последнее время я люблю слушать демонстрационные записи, которые присылают мне начинающие группы. Сама музыка совершенно неинтересная, но запись настолько непрофессиональна, настолько чудовищна, что я оторваться не могу. Это и есть жизнь.

— Поэтому вы и включаете искусственные шумы, эхо, помехи в свои пластинки?

— Да. Потому что, как бы я ни был увлечен возможностями, что предлагает техника, музыка должна быть живой.

Перевел с английского В. СЛАВИН

Летний бюджет

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП.